

История религий. Лекция 19

Религия Древней Эллады

Мацих: Если уж говорить о том, кто известен европейскому человеку, то это, конечно, греческие боги и богини, греческие мифы, потому что это основа культуры и источник вдохновения для поэтов, и художников, и драматургов. В любом музее, в любой библиотеке герои повествования и изображения – это, конечно, греческие герои, боги и богини. Поэтому у вас есть, наверно, свой образ и Ахилла, и Геракла, и богини, скажем, Афродиты, которая рождается из морской пены – она же Венера. И Аполлон, и Дионис – все эти люди вам знакомы, в отличие от Кетцалькоатля, который, может, у вас ассоциируется только с непосредственным начальником. Никто не видел Кетцалькоатля. А вот Дионис, Аполлон и остальные, я думаю, они все у вас откликаются.

Что у вас ассоциируется с начальником?

Студент: Аполлон?

Студентка: Нет.

Мацих: С Аполлоном? Правильно, Ариша. Я не знаю, как на самом деле, но сказать нужно именно так.

Начнем мы вот с чего. Греческое наследие громадно и многогранно и это есть один из опорных столбов той западной цивилизации, которую мы знаем сейчас. Можно сказать про опорные столбы, можно сказать про корни, из которых выросло вот такое могучее древо европейской цивилизации. Одним из этих корней, безусловно, является греческий. И многие области науки, искусств – сферы духа – связаны с греческим наследием непосредственно. Вся наука западная выросла из греческой: и математика, и астрономия, и геометрия, и философия. Причем философия не только в нынешнем понимании, как одна из гуманитарных наук, но философия, как стремление создать всеобъемлющую мудрость, то есть понять, как устроено мироздания в целом, объяснить его закономерности, понять мир, как систему.

Из Греции идут наши пластические искусства: и живопись, и фрески, и скульптура, и керамика. Керамикос – это, кстати, пригород Афин. Такой был городок, поселок в пригороде Афин. Оттуда и поговорка: не боги, мол, горшки обжигают. Поскольку греческие горшки, вазы, амфоры славились по всему отечественному миру, и греки

и распространяли слух, что их обжигают сами боги. Но для себя знали, что нет, это совсем не боги делают, а простые ремесленники в этом самом квартале.

Театр, драма – это все тоже греческие изобретения.

И в этом смысле греческая цивилизация, жива ли она? То есть она в классическом своем виде давно закончила свое историческое существование, поскольку все на свете имеет свои пределы. И сама эта цивилизация в своем развитии, как все на свете, прошла определенные стадии.

Но если говорить об идеях, которые вдохновляли греческую цивилизацию, они живы до сих пор. А вот боги греческие – они умерли, то есть они превратились в музейные экспонаты и никто им не поклоняется, конечно же, всерьез. Мы их воспринимаем, как персонажей из детства золотого или как фигуры из учебников, либо как персонажей какого-то архаического прошлого, которые к современности, к настоящему уже не имеет никакого отношения.

Это любопытная судьба, потому что современники олимпийской религии, скажем, боги и божества Ближнего Востока, например, библейской эпохи – они живы. Живы в

любой церкви, в синагоге, в представлениях людей, и в этом смысле они пережили эпохи.

Вот интересно будет проанализировать, а одна из целей нашего сегодняшнего разговора – понять, почему греческие идеи живы, а греческие боги скончались. Вот такие дела.

Почему стала развиваться цивилизация именно в Греции – это тоже большой вопрос. Обычно цивилизации в древности всегда тяготели к великим рекам. Либо в дельте реки, либо вокруг какого-то полноводного русла цивилизация складывались. В Греции никаких рек заметных не было и нет. Кормильцем Греции, как ни странно, было море. И так сложился новый тип цивилизации, которая потом легла в основу западной – приморская цивилизация, цивилизация, которая кормится морем, торговлей, разбоем морским, путешествиями, любопытством. Цивилизация, которая обязательно хочет «ногою твердой стать при море», как потом писал Пушкин про великого Петра.

Греки получили в наследство землю очень скудную. Хлеб, пшеница, ячмень, виноград, олива и овощи – вот

собственно все, чем Греция богата. И до сих пор Греция небогатая страна в экономическом отношении и земля ее, скажем, с итальянской или с южно-французской не идет ни в какое сравнение. Но почему-то цивилизация возникла именно там, на многочисленных островах Эгейского моря, в самой материковой Греции, на всех вот этих полуостровах и в Малой Азии (сейчас это Турция), но тогда про какую-то Турцию никто не слыхал, конечно, все это тоже была Греция.

Откуда греки пришли, они сами не вполне знают. Видимо, с севера откуда-то и остановились на этой земле.

Были разные войны, в результате которых победила так называемая крито-минойская, потом крито-микенская цивилизация и культура. Эти люди строили здания из камня, а не только из дерева, строили города и тяготели к городской жизни; строили корабли и обладали мощным флотом. Плавали не только с острова на остров, что, в общем, недалеко, хотя по Средиземному бурному морю это сложно, но они доплывали до Финикии и аж до Египта, а это через полморья Средиземного. Базовые черты греческого характера: соревновательность, любопытство, страсть к новому, стремление завоевать – это все складывалось уже тогда. Вот может быть любопытство – одна из интересных черт, которой обладал греческий гений, и что отличало греческую цивилизацию от многих других.

Ведь индийская цивилизация или, скажем, китайская (ну, я не говорю уж про Центральную Америку) – у них ведь тоже был выход к морю и они могли плыть, куда хотят, они могли построить флот, ничего им не мешало. Но ничего такого они не предприняли. Они ограничивались плаванием вдоль берегов, и даже если они знали о других

землях, у них не было к ним интереса. Греки обшарили буквально каждый уголок соседних морей. Не только Эгейского, которое примыкает к ним, но и всего Средиземного, которое казалось им огромным и край этого моря (нынешний Гибралтар) казался Геркулесовыми столпами: там кончается мир и дальше уже черная бездна. Там же всего-навсего океан Атлантический, но они туда не рисковали плавать (только римляне потом доплыли туда). Зато они плыли на север через Мраморное море в Черное, которое они и называли Черным из-за бурь, которые там бушуют. Греки основали свои колонии во всех доступных им прибрежных местах. Вот это то, что не сделала ни индийская, ни китайская цивилизация, которые всегда тяготели к своему центру. А греки наоборот, они всячески стремились свою цивилизацию распространить. Дух экспансии, дух насаждения своей культуры, дух гордости за нее – он очень свойственен не только грекам, но и всем западным людям, которые из греческого корня потом проросли.

С самого начала стала цивилизация греческая складываться не как монархия абсолютная, как скажем, в

Египте или как в Междуречье, где стоит один царь и он подданный над всеми и живой бог, но как конфедерация, как сообщество городов. Каждый город (полис) обладал определенной независимостью, каждый выбирал себе царя. Именно, заметьте, выбирал. Или даже потом, как в Афинах и Спарте демократическим путем.

Впервые термин «демократия» и само понятие это тоже изобрели, разумеется, греки. Демократическим путем, то есть путем выборов всех свободнорожденных граждан, мужчин, выбирается Правление. И вот это вот Правление – Совет, и правит городом. Новый тип государственного устройства открыли греки – рабовладельческая демократия. Жива она до сих пор. Наша нынешняя система есть не что иное, как самая настоящая рабовладельческая демократия. Но греки, в отличие от своих потомков, никогда не думали, что демократия может быть всеобщей. Они понимали, что это иллюзия и избирательные права могут быть только у какой-то части. Греки, будучи гражданами каждый со своего полиса, были связаны ощущением единства судьбы исторической, единства культуры и языка, ну и конечно, ритуалов.

Они воевали, враждовали между собой, о чем греческие мифы говорят непрерывно, но, тем не менее, и прекращались войны во время Олимпийских игр. Кстати, помимо Олимпийских, вы знаете, были игры иные: и Дельфийские¹, и Коринфские². Это мы только знаем Олимпийские, поскольку они возродились в XIX веке. А для греков Олимпийские игры далеко не были самыми славными, Дельфийские были гораздо круче и победа на них больше ценилась.

Войны были, но когда Греции угрожала внешняя опасность, например, персы или иные какие-нибудь народы, которых греки всех называли варварами, Греция объединялась. Кто-то выставял флот, кто-то – армию, кто-

¹ Античные **Пифийские игры в Дельфах** у подножья горы Парнас были посвящены прославлению бога Аполлона, который, согласно мифам, победил дракона Пифона, охранявшего древнее прорицалище, и учредил в честь этой победы Дельфийский оракул и новый Агон. История Пифийских игр достаточно отчётливо документируется с 582 года до н. э., когда после первой Священной войны около 586 года до н. э. управление Играми перешло к Дельфийской Амфикинии — совету двенадцати греческих племён. С тех пор Пифийские игры стали проходить каждые четыре года, в год, предшествующий Олимпийским играм.

² **Коринфские (Истмийские) игры** — в Древней Греции общегреческие празднества и состязания (гимнастические, конные, поэтические и музыкальные) в честь бога Посейдона; проходили на Истме на Коринфском перешейке. 1 раз в 2 года

то деньгами помогал, кто-то – ополчением. И таким образом Греция давала отпор всем зарубежным посягательствам.

Любопытный народ. Это вот именно прообраз современной Европы, когда люди ощущают себя гражданами некоторого единого сверх государственного образования, но каждый между тем является лояльным подданным того места, где он родился.

Впоследствии христианский мир на этих же основах объединился, говоря о себе, как о именно христианском мире, при том, что были немцы, французы, англичане и итальянцы и так далее. Общий рынок, а потом и европейский союз – это есть не что иное, как перенесение на наши нынешние реалии той греческой модели, когда каждый полис вроде и сам по себе, но вместе с тем есть ощущение единой цели, единого пути и единого средства достижения поставленных целей.

У греков, конечно, не было единой валюты: и это понятно, но она им не нужна была. Зато у них была мысль о том, что где бы ни было расположено святилище, например какого-нибудь из богов, даже, если идет война,

но люди идут как паломники или как вопрошатели в какое-то святилище, их, разумеется, нужно было пропустить. Убить паломника – это есть великий грех. То есть их понятие о войне тоже отличалось от нашего.

Удивительный народ эллины, как они себя называли, а свою страну называли Эллада. Этот народ стал известен по всему тогдашнему древнему миру гораздо раньше, чем многие другие народы, ибо греки были неутомимые воины, купцы, авантюристы и путешественники. Греки знакомились, разумеется, с религиозными системами и богами других народов, но они не заимствовали их напрямую. Они полагали, что у каждого региона, у каждой страны есть свои боги. И вот греческие боги, они только греческие и не имеют отношения, скажем, к Египту, к Финикии, к Вавилону и т.д.

Вот не так потом будут рассуждать римляне. Римляне полагали таким образом, что если они завоевали какую-то страну силой оружия, надо помириться с богами этой местности и бога этого, или богиню, пригласить к себе. То есть известное обращение римских полководцев к местным богиням или богам о том, что «Уважаемая

местная Юнона, ты видишь, что мы завоевали город, в котором тебе стоит алтарь и статуя. Но что тебе делать среди побежденных? Отправляйся с нами. Мы обеспечим тебе почет и уважение» и т.д. И с этими словами забирался кусок алтаря или, там, статуя, с почестями перевозились в Рим и устанавливались. В Риме был пантеон всех тех богов, которых римское оружие покорило.

Греки не рассуждали таким образом, но их собственные боги потом оказались в Риме. И кстати, мы знаем их в Европе под римскими (латинскими) именами. Мы знаем Марса, а не Ареса, мы знаем Венеру, а не Афродиту; Юпитера, а не Зевса, Аполлона, а не Феба и т.д. То есть греческие боги тоже повторили общую судьбу. Но для самих греков было ощущение, что бог – это как местный царь. Вот у него есть своя область, свой город, кусок равнины, моря, островов, над которыми он властвует, а в другие сферы ему лучше не лезть. Такова была первичная религия греков.

Богов они с самого начала представляли вполне антропоморфными (человекообразными), то есть они представляли их себе как людей, но только с

гипертрофированными чертами. Ну, во-первых, выше, сильнее, красивее, более умелыми. То есть берется какое-то человеческое качество, например, воинственность, агрессивность, злобность – качества воина, но доводятся до абсолюта. И так получается бог войны Арес. Берется иное качество, например, умелость в ремесле, умение сделать любое устройство, любую вещь, скажем, сложный замок или корабельный винт, или руль, или еще что-нибудь. И так получается бог ремесла – Гефест, который все умеет делать и к которому сами боги обращаются с заказами. Вот по такому не очень хитрому принципу образовывался греческий пантеон. То есть это человеческие качества, продленные до нечеловеческих пределов.

Ну и, разумеется, у богов есть целый ряд качеств, которые их от смертных отделяет. Я уже сказал ключевое слово. Что есть у богов, а чего нет у людей?

Студентка: Бессмертие.

Мацих: Бессмертие, конечно. Они не болеют, во-первых. Они не знают болезней, даже инфекционных. Это очень обидно. И они бессмертны в принципе.

Боги обитают либо на горе Олимп, но очень рано греки поняли, что ни на какой горе Олимп, конечно, богов нет. На горе Олимп они были, только давно. Они так понимали, что боги живут на облаках, где-то в заоблачных высях. Насчет локализации места, где собственно боги обитают, тоже была большая дискуссия. Олимпийские представления, мысль о том, что боги живут на невысокой (2,5 км) горе Олимп – это очень древние представления. И их очень быстро греки преодолели.

Тут надо сказать несколько слов о том, как греческая цивилизация развивалась. Большинство из людей, которые вообще что-то знают о греческой цивилизации, читали книгу Куна «Мифы и легенды древней Греции». Это совершенно неизбежно, так же как «В лесу родилась ...» кто? Кто родился в лесу, Ксюша?

Студентка: Елочка.

Матих: Ну, вот как неизбежно песенка про елочку...

Книга Куна написана для школьников. Но я не уверен, что мы все поднялись выше этого уровня. Это школьники дореволюционные, для гимназистов. С учетом уровня образования, который был тогда и стал сейчас, конечно,

тот уровень для нас недостижим, кроме присутствующих, понятно. Поэтому мы читаем и читаем Куна. Но это же книжка школьного учителя, написана для учеников. В ней есть масса замечательных фактов и подробностей, но нет главного, что помогает понять характер любой религии и любых богов: там нет прослеживания этого в историческом развитии. То есть она дается как миф, а в мифе нет времени. Время, как категория, в мифе отсутствует. Вот Зевс жив сейчас с точки зрения мифа? Конечно – да, поскольку в мифе нету времени вообще. Это наша, человеческая категория. Время для богов оно остановилось, они всегда были и всегда будут. Вот книга Куна написана именно с таких позиций. Там Орфей действует в одно время с Дионисом или с Аполлоном, с вакханками, хотя они возникли совершенно в разное время. Там герои, которых отделяли столетия друг от друга, располагаются на соседних страницах. Из чего у нас, у читателей, складывается абсолютно неверное представление, что все это в Греции было одновременно. Это совершенно не так.

Так, если бы человек писал о России лет через 200-300, и писал бы одновременно о монголах, которые сожгли Рязань и разграбили Юрьев-Польский, тут же о Петре, который снимал с церкви колокола. Потом о Екатерине, которая воевала турок, а потом о большевиках, которые строили на реках плотины и затопляли гигантские пространства. Все это было в истории России? Конечно, но очень в разное время, очень в разное. И если у человека сложится впечатление, что это было одновременно, то его впечатление будет неверным, мягко говоря. Имейте в виду, события, которые описаны у Куна, происходили в разное время.

Начиналась греческая религия, как и все архаические религии, с таких шаманских инициаций, шаманских празднований, с мистерий элевсинских³ и дионисийских. Мы не очень о них знаем, потому что мало сохранилось письменных свидетельств. Кроме того, с человека, который в мистериях посвящался, брали страшную клятву, что он ничего не расскажет. Конечно,

³ **Элевсинские мистерии** (др.- греч. Ἐλευσίνια Μυστήρια) — обряды инициации в культах богинь плодородия Деметры и Персефоны, которые проводились ежегодно в Элевсинии (около Афин) в Древней Греции.

они рассказывали. И слава Богу! Потому что иначе мы бы вообще ничего не узнали. То есть если мы что-то знаем, это только из-за людской слабости. Но если бы все люди все были железобетонными, то было бы очень тяжело, правда, ведь?

Мистерии, по-видимому, греческие не отличались от всех остальных шаманских культов Европы. Это были культы плодородия, оргиастические. Это была мольба богов об удаче. Это было массовое пожирание каких-нибудь жертвенных животных, скажем, оленя, кабана. Ну и выпивание каких-нибудь напитков (в случае с Грецией, это, скорее всего, было вино, которое греки собственно для Средиземноморья и открыли). Ничего особенно специфического в мистериях не было. Такие же вещи были в Египте и в Вавилоне, и в Индии, я думаю. В Сибири то же самое происходило. Менялся только тип напитков, названия богов и, может быть, какие-то отдельные ритуалы, но по типу, типологически, все эти мистерии одинаковы. И прежде всего, какой главный момент мистерии? Снятие запрета. То, что запрещено в обычное время, в мистерии можно. Например, напиваться допьяна

нельзя, это не поощряется. Во время мистерии можно и нужно напиться до смерти. Следует к еде относиться бережно: нельзя выбрасывать еду, это грех – хлеб, лепешку или мясо. Нельзя нажираться до смерти, до рвоты, а во время мистерииальной жертвенной трапезы – можно. На секс тоже действуют очень строгие запреты: ни в коем случае не тронь, кто понравился – только через брак. Во время мистерии все запреты снимаются: кого сгрел, того и полюбил. То есть высвобождается вся дурная темная энергия, которая в человеке скапливается, и после мистерии человек опять возвращается к своему обычному повседневному существованию.

У греков, правда, существовала любопытная идея, что во время мистерии человек становится равным богу. Ведь богам можно все, для богов нет запретного. Богам все можно, и если человек во время мистерии нарушает все абсолютно запреты, он становится на какое-то время равным богам.

Поощрялось, когда во время мистерии человек не нажирается до смерти мяса или хлеба, пряностей, не очень предаётся сексуальным утехам. А вот на вино,

особенно крепкое, потому что греки пили в основном разбавленное водой вино, вот на крепкое вино пусть он налегает – и в тот момент ему откроется истина. Опыняющий напиток – галлюциноген, открывает человеку дорогу в иные миры. Вино стало у греков частью ритуала. И в христианстве сохраняет свою силу до сих пор. Хотя там не требуется напиваться, но вино участвует в причастии и у западных, и у восточных христиан. Вино, как напиток, стало частью ритуального служения тоже через греков. Но в первичных мистериях вино имело совершенно функциональное значение. Напейся до такого состояния, когда начнешь видеть то, что в обычном состоянии не видишь.

Студентка: Как часто совершались мистерии, по пятницам после работы или раз в году?

Мацих: У них не было пятницы, красоточка моя, и календаря нынешнего не было. Мистерии назначались в день праздника каких-то богов.

Студентка: А у нас мистерии каждую пятницу.

Мацих: У вас мистерии каждую пятницу? Бедненькая Ксюша! Надо беречь неокрепший организм, пить

побольше минералки. Тяжело, я понимаю. С другой стороны, мы еще не такие эксперименты ставили на себе, но я вас понимаю, как ваш коллега по экспериментам. Главное, не смешивать напитки. Греки в этом смысле были молодцы, портвейн с пивом они не мешали.

Мистерии происходили в определенных местах: священных рощах, урочищах, на холмах, на берегу моря, и посвящались каким-то богам. Это были боги темные, боги тьмы, ночи, колдовства. Очень ценилась богиня Геката – богиня Луны, богиня мрака, богиня смерти. Вот ее мистерии были особенно страшными, сильными и таинственными.

С момента, когда в греческой религии наметилась борьба между культом Гекаты – темных богов с одной стороны и культом светлых богов с другой стороны, начала складываться ситуация, которая потом во многом греческую историю определила. Я имею в виду историю идей, религиозную историю, борьба светлого и темного начала. В конце концов, боги тьмы отступили и были загнаны в тот угол, где гнездятся все суеверия. А победил культ разума. В материальном смысле это воплощало в

греческой религиозной истории борьбу двух культов: культа Диониса – бога вина, виноделия, веселья, плясок, экстаза и Аполлона (Феба) – бога Солнца, разума, наук, искусств. Аполлон и Дионис, если хотите, главные соперники. Они не соперничали никогда на поле брани, каждый жил сам по себе, но тот, кто склонялся к Дионису, тому нечего было делать в святилище Аполлона. И наоборот.

Дионисийское начало – экстатическое, чувственное, бурное, темное, ночное, колдовское, иррациональное – это одна сторона греческого гения. Аполлоновское начало – светлое, рациональное, разумное, логичное, научное, математическое – это другая его сторона. Но как день невозможен без ночи, как янь невозможен без инь, так и здесь – не мог никогда один бог победить другого, потому что вместе они создавали такое единство, которое создало эллинскую (греческую) цивилизацию.

Любопытно, как это все исторически складывалось. Мистерии тоже ведь, слава богу, дожили почти до христианских времен. Последние мистерии уничтожили христиане, поскольку считали их бесовскими плясками.

Знаменитые шабаши ведьм, которые преследовала инквизиция и которые люди всерьез считали выдумками, как показали последние разыскания историков и археологов – это сущая правда. Это все происходило в Италии, во Франции, в Германии. Особенно в этих странах. И это есть не что иное, как те же самые мистерии, те же самые ночные оргиастические культы. Но для христианства это, конечно, однозначно было поклонение дьяволу. Народная фантазия дьявола туда и помещала, и ведьм, которые летали на метле. А на самом деле – это обычный мистериальный оргиастический культ со снятием запретов, массовым пьянством, статическими плясками и совокуплением.

Такая вот архаичная народная форма религиозности. Поэтому мистерии не умирали в народном сознании, несмотря на все успехи просвещения, философии, математики, науки и всего прочего. Они оставались. Но наряду с этим складывался культ иных богов, которые правили миром и которым приписывались функции, совершенно от мистерий далекие.

Возникла идея Зевса-громовержца, который управляет громом и молнией. Ну, это ладно, это было у всех народов – бог-громовержец, как самый сильный, обладающий таким абсолютным оружием. Он для всех народов знаком. Греки выдвинули идею о том, что верховный бог есть гарант справедливого суда. Мы о Зевсе-то мало знаем. Для нас Зевс просто патриарх на Олимпе, а это ведь не так. Для греков Зевс был гарант справедливости, правосудия. Он был та последняя инстанция, к которому боги и люди могли взывать в случае, когда, по их мнению, с ними обошлись неправильно: их притеснял владыка, судья взял взятку, когда их дело было явно выигрышным и т.д. В этом случае Зевс и выступал именно гарантом справедливости. Именно так, например, воспринимали его евреи библейского периода. Планета Юпитер, как и само божество Юпитер, называется на иврите «цедек» (справедливость). То есть этот бог и есть гарант справедливости. Но он, как блюститель справедливости, не вмешивается в дела войны, ибо война, по определению, вещь несправедливая. Во время войны соблюдение справедливости невозможно, и Зевс туда не

лез. Он вроде и верховный бог, но прекратить войну он не в силах, да и не хотел, ибо война есть присущее людям состояние. Сам Зевс уже не воюет – он уже победил титанов. Боги правят на земле безраздельно. Титаны заключены где-то там в преисподней. Теперь воюют и поощряют войну только те боги, которые находят в этом удовольствие, прежде всего, конечно, Арес. Война – его прерогатива, он вмешивается.

У всех богов, как и у всех людей, есть царский двор, есть супруги, которые тоже обладают царскими и божественными полномочиями.

Мы еще дойдем до места женщины в греческом обществе. В присутствии Ксюши мы не могли бы поступить иначе: никто живым бы не ушел. Но надо вам сказать, что греческие богини – существа очень активные. Есть богини-супруги чьи-то, например, Гера (она у римлян стала Юноной), жена Зевса. Она отвечает за целый ряд функций на земле. А есть, скажем, ветреная Афродита, которая в принципе была замужем за Гефестом, но поскольку она, как всякая красotka, не могла удовлетвориться одним мужиком, она изменяла ему с Аресом. И все об этом

знали, кроме самого дурака Гефеста, который все время проводил в своей кузнице. И, в конце концов, ему боги настучали: ну, они ж завидовали чужому успеху. Он сделал большую железную сеть, которой накрыл этих двух любовников. Был ужасный позор. После этого боги Гефеста (у римлян – Вулкана) с красавицей-Афродитой развели. Но она и разведенная была не хуже. Она ж никогда не старела, была вечно молодой и никакие субботние бесчинства ее не портили. Или какие, по пятницам? Она даже и на пятницу реагировала.

По количеству богинь, женских существ в пантеоне, греки уступают, наверно, только индийцам. И эти богини ведут себя исключительно самостоятельно: они спорят с богами-мужчинами; они их обманывают; они против них интригуют; они им бросают вызов; они высказывают собственное мнение; у них есть свои предпочтения, например, в делах людей. Скажем, во время Троянской войны одни боги-богини помогают грекам, другие – троянцам, и вмешиваются там абсолютно активно. И это все, в общем, воспринимается, как должное.

Греческий мир богов напоминает более или менее мир греческого полиса, где существует временное перемирие между богами. А так – отношения такого вооруженного нейтралитета, где каждый знает свою сферу. Скажем, Посейдон – брат Зевса (Нептун у римлян), его сфера – вода. Все источники вод, все его, от родников до морей. Но живет (не будет же он жить в пруду деревенском!), живет он, конечно, на дне моря в своем дворце. И в дела суши он, в общем, не вмешивается. Это идеал греческого сосуществования, когда каждый полис сам по себе и все уважают права других.

Поскольку греческий гений не мог удовлетвориться антропоморфными и довольно смешными богами, очень быстро стала складываться система взглядов, при которой на богов стали смотреть не как на властителей вселенной, а как на персонажей театра. Ну, точно так же, как смотрим на них мы сейчас. Это интересная вещь. Довольно быстро среди образованной части греческого населения сложилась идея, что на самом деле миром управляют, конечно, не боги, а нечто совсем иное. А что именно? Греки сформулировали понятие НОМОС – закон. Так вот

закон, как совокупность закономерностей, по их мнению, и был движущей силой мироздания. Но боги не имели к нему никакого отношения, боги сами были его частью и они не могли его изменить. Об этом чуть поподробнее, чтобы стало понятно, что здесь не все так элементарно просто.

Закон этот понимали греки двояко. С одной стороны, как слово «ананке»⁴ – это то, что по латыни означает «фатум», отсюда слова «фатальный», «фаталист». То есть рок – это та необходимость, перед которой все склоняются. Вот, например, смерть: ее ничто не отменит. Или, например, притяжение земли. А есть номос – закон, благодаря которому мир существует, как система. Эти самые законы – «*no^{te}in*» (во множественном числе) могут и должны быть познаны людьми. И, собственно, задача человека, как сформулировали ее греки, как можно больше этих закономерностей познать и, более того, использовать. Поэтому знания, которые греки накапливали в математике, географии, астрономии – они не были

⁴ **Ананке**, Ана́нка (др.-греч. Ἀνάγκη, «неизбежность, судьба, нужда, необходимость») — в древнегреческой мифологии божество необходимости, неизбежности, персонификация рока, судьбы и предопределённости свыше

просто мертвым грузом. Это были вещи, с помощью которых греки пытались мир преобразовать и очень многого в этом достигли.

Студентка: Боги не имели отношения к мирозданию? А кто тогда?

Мацих: Не к мирозданию, а к законам, которые им управляют, этим мирозданием.

А вот кто? Это хороший вопрос. Одни говорили, что есть некий мировой закон, который над всем правит. И этот закон – абстракция. Ну вот, как «дао» у китайцев – это некая абстракция, средоточие всех мировых закономерностей, благодаря которым все на свете вертится. Как говорили греки, «благодаря чему вращаются все звезды». Другие говорили, что есть некий бог, личный, живой, личностный, некое существо. Так говорил, например, поэт Ксенофан. Он говорил, что есть такой бог, он один, а множество богов – это выдумки человеческие, это продукты их фантазии. А бог один и никто из людей представить его не может. Это замечательная идея, очень верная. Такое вот гениальное прозрение. В этом смысле он подходил к библейским пророкам близко, да? То, что боги

миром не управляют, это было образованным грекам – ученым, философам, математикам, поэтам, – ясно уже довольно давно. И, в общем-то, греческое общественное мнение не относилось к богам серьезно. В Греции нельзя было себе представить религиозную войну. Над богами смеялись, их выставляли в театральных представлениях довольно в таком смешном свете. Вроде бы и с почтением, но с другой стороны, очень сатирически. У Аристофана⁵ и у Софокла⁶ есть эти элементы. Конечно, боги мстят людям и судьба людей в руках богов, но с другой стороны, боги и сами попадают в смешное положение из-за жадности к жертвам, из-за ревности, из-за сластолюбия. Двое богов в одной из комедий Аристофана вожделеют к одной и той же пастушке. Она их обоих проводит, в смысле, обводит вокруг пальца и скрывается со своим возлюбленным, простым пастушком, а два бога оказываются «с носом». Вот и такое есть. Но, если к богам относиться с пиететом, разве можно такое на сцене показать?

⁵ **Аристофан** — древнегреческий комедиограф, прозванный «отцом комедии». Первую свою комедию Аристофан поставил в 427, но ещё под чужим именем.

⁶ **Софокл** (ок. 496–406 до н.э.) · афинский драматург, считающийся наряду одним из величайших трагических поэтов классической древности. Автор трагедий «Антигона», «Электра», «Царь Эдип», «Аякс».

В комедиях над богами смеялись, в трагедиях богов боялись, но и то и другое не говорило о поклонении. Тут надо процитировать несколько очень интересных фраз, которые греческие поэты говорили о богах. Например, такая фраза: «Боги охотнее всего помогают человеку, когда он идет навстречу своей гибели». Как вы понимаете такую фразу? Она способствует уважению к богам, благоговению перед ними? Вряд ли. А это сказал Софокл – один из величайших греческих поэтов и драматургов. «Ничего так не радует богов, как крах человеческих надежд», – это сказал Еврипид.

Студентка: Они не помогают людям?

Мацих: Нет, они не помогают, наоборот, они смеются над людьми. Греческие боги ведут себя по отношению к людям хорошо, если нейтрально, а часто злорадно, с таким вот плохо скрытым высокомерием. Ничего хорошего от богов ждать не приходится. Такой вот взгляд своеобразный. Это очень далеко от библейского представления «на Бога надейся...», «Бог – моя опора», «только в Боге сила моя». А тут все по-другому: от богов ничего хорошего не ждут. То есть они есть, но как ветер на

море. Хорошо, если он будет дуть в твои паруса, а задует наоборот, ты так и не доплывешь. Как к этому ветру относиться? Можно ли его любить или просить его? Вот очень своеобразное отношение у греков было к богам. С одной стороны, в низах народных, среди крестьян, рыбаков, ремесленников были такие вполне шаманские, архаичные, примитивные представления о том, чтобы богов задобрить, надо принести им жертву какую-нибудь. Когда-то существовали, безусловно, человеческие жертвоприношения, но очень быстро от них отказались. Жертвы стали бескровные. Очень редко приносили в жертву животных, хотя иногда бывало. Чаще всего коз и быков, иной раз рыбу, кстати, – рыбаки. Чаще всего приносили в жертву, конечно, муку, вино, воду, масло оливковое; т.е. жертвы такие вполне невинные.

Простой человек о богах не задумывался, как писал тот же Еврипид⁷. Простой человек жил по инерции, суевериями, как живет простой человек во все времена. А вот образованный человек, задумываясь о богах,

⁷ **Еврипид** — древнегреческий драматург, представитель новой аттической трагедии, в которой преобладает психология над идеей божественного рока. Автор пьес «Ифигения в Авлиде», «Медия», «Вакханки» и др.

приходил к выводу, что за идеей богов есть еще какие-то идеи. И эти идеи к богам не имеют никакого отношения. Так сложилось греческое умствование, как сейчас говорят, интеллектуальный дискус, греческая философия, греческая математика, греческая поэзия, в которой идея божественного занимала очень небольшое значение. Это очень важно, потому что из этого потом выросла вся западная наука.

Миром правит Закон, закон этот надо познать. Что этому помогает? Наука наук, наука о мировом ритме. Как она называется? Арифметика. Слово «математика» греки не знали, а вот «арифметика» знали. «Рифмос» – наука, которая ловит ритм. Математика и музыка для них было одно и то же. Величайший математик и музыкант Пифагор эти науки объединил. Он вычислял закономерности ритмические, которые лежат в основе Вселенной. Говорил ли он при этом о богах? Никогда. О богах в греческом смысле он даже не упоминал. Он полагал, что следует жить праведно и следует быть философом, т.е. человеком, который возлюбил мудрость ради познания мира, а вовсе

не ради служения каким бы то ни было богам. Вот такая вот штука.

Бог философов это идея, которую тоже подарили миру греки. Бог философов – это не что иное, как признание того, что бога может вообще не быть и бог, во всяком случае, это совсем не то, что представляет себе толпа. В греческом взгляде на мир философия, как система взглядов, стала играть громадную роль. И в основе этой философии лежала наука, которая для нас, людей Запада, является первоочередной – логика. Теоретически, боги никакой логике не должны быть подвластны, им все можно, они живут в своем мире. Но если миром правит Закон, то в Законе все должно быть логично. Система логических доказательств, логических рассуждений, когда одно вытекает из другого, стремление построить непротиворечивую концепцию, чтобы все укладывалось в законы здравого смысла, логики и умопостигаемости. Вот это чисто греческое. И это колоссальная мысль. Ни один другой народ ее не выдвинул. Для познания мира греки сделали больше, чем все остальные народы вместе взятые, безусловно. Но Бог не имеет к этому отношения.

Как потом сказал в XIX веке Лаплас⁸ Наполеону. Лаплас показал Наполеону модель Вселенной и Наполеон спросил: «Какое место вы отвели здесь творцу?», тот сказал: «Я, император, не нуждался в этой гипотезе».

Примерно такими же словами могли сказать греческие мудрецы, когда они о Вселенной рассуждали. Для них боги были не более чем гипотеза, причем совершенно излишняя, ненужная. А для остальных народов, даже тех, кто жили рядом с греками: ливийца⁹, финикийцы¹⁰, евреи, египтяне, вавилоняне, италийцы и этруски – для них идея божественности была главной, центральной. Без этого все

⁸ **Пьер-Симон Лаплас** (23 марта 1749 г., Бомон-ан-Ож, Франция - 5 марта 1827 г., Париж, Франция) — выдающийся французский математик, физик и астроном; известен работами в области небесной механики, дифференциальных уравнений, один из создателей теории вероятностей.

⁹ **Ликийцы** (греч. Λύκιοι) — народность, жившая на юго-западном побережье Малой Азии в 1-м тысячелетии до н. э. От них получила название территория Ликия. Ряд историков отождествляет их с термиллами — переселенцами с Крита. Ассимилированы частично греками, частично персами.

¹⁰ **Финикийцы**, древние семитские племена, принадлежали к ханаанской ветви западно-семитических племён. Сами финикийцы называли себя по имени тех городов, откуда были родом - "сидоняне", "тиряне", "карфагеняне". Финикийцами их окрестили греки по названию добываемой из морских улиток сочной темно-красной краски, которой они окрашивали свои одеяния. Позже римляне, взяв за основу греческое слово, стали называть финикийцев-карфагенян "пуни", а войны с ними - пуническими.

рассыпалось и мироздание нельзя было себе представить. Вот в этом особенность греческого гения.

Величайшим философом Греции был Платон¹¹, о котором замечательно сказал один историк западной философии. Он сказал, что вся западная философия – это не более чем пометки на полях рукописей Платона. Это преувеличение некоторое, но очень хорошо, красиво сказано. Платон выдвинул идеи, которые потом вдохновляли западную философию вплоть до XIX-XX веков. Само слово «идея» (idea) тоже придумал он. Идея – греческое слово, может переводиться первично, как, «модель» или «образ». Но не образ, в смысле «eikonas», как икона, а как образ, возникающий в нашем сознании.

По мнению Платона все существующее на земле имеет свои прообразы в другом идеальном мире – идея двух миров. Познавая вещи здесь, мы познаем их и там. И чем более мы знаем о нашем мире, тем больше мы знаем и о мире идеальном, где все вещи первоначально были сотворены. Зачем это нужно? А для того, чтобы добиться

¹¹ Платон (427 до н. э., Афины — 347 до н. э., там же) — древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля.

бессмертия, ибо бессмертие есть не что иное, как перевоплощение души.

В греческой философии, не религии, заметьте, в религии ничего об этом не говорилось, в религии говорилось про Зевса, который ревнует Геру, и все такое прочее – это все мифы. Но вот в философии греческой, именно в том круге идей, которыми жила просвещенная публика, идея бессмертия и переселения душ играла колоссальную роль. Это цель всякого человека.

Греки представляли себе переселение душ не так, как, например, индийцы. В чем они были отчасти согласны с индийцами, – знали ли, что в Индии была такая же идея, до сих пор не доказано. Наверно, знали, а может быть, они сами выдумали нечто похожее. «Колеса сансары» у них не было как образа. У них была идея, что если ты хочешь достичь бессмертия, а любой человек этого хотел, то ты должен понять, что душа, живущая в тебе, она бессмертна. Что есть душа? Это некий идеальный первообраз, который создан где-то в обители Вечного Закона. При чем тут боги? Богов никаких там нет. Там есть мир чистых сущностей, схожих с брахманами, как у индийцев, или с

Абсолютом. И вот там, в мире вечном и неизменном, возникают души людей, а потом их изгоняют, их ссылают сюда, на Землю. То есть душа здесь находится в ссылке. Тоже еще интересная мысль. Она потом приведет к любопытнейшим последствиям. И душа каждого человека находится в теле, как в тюрьме. Этому довольно странному утверждению способствовала одна особенность греческого языка. Тело по-гречески – «сома», отсюда «соматический». Известно вам такое слово? А могила – «сэма». И вот на этой игре слов, на игре букв, строилась мысль о том, что тело есть могила для души.

По-русски есть такой интересный каламбур: увечить и увековечить – это же разные слова. Представим себе вот так написать (Пишет на доске). Что такое «увечить», скажите мне, какой синоним?

Студентка: Искалечить.

Мацих: Искалечить, да? Теперь смотрите, с КОмпанией, «увеКОвечить», что означает? Обессмертить, навек запомнить, обеспечить долгую жизнь. Но если по этой логике идти, то получается, что если изувечить вместе с С^омпанией, особенно если зарегистрировать по закону,

чтоб было «сопрану», то такое коллективное увечье и есть увековечивание. Вам нравится такая логика? Пользуясь игрой слов, можно далеко зайти. Скажем, Маша и каша – это одно и то же? Если доказать равенство букв "м" и "к", то да, конечно.

Из таких пустяков, казалось бы, выросла грандиозная концепция, просто потому, что два слова похожи: «сома» и «сэма». Это не могло сложиться в других языках, потому что слова «тело» и «могила» на них не похожи, ну как по-русски. А греки сделали из этого колоссальные выводы: раз душа в теле, как темнице, она, естественно, стремится оттуда вырваться. Как? Надо обеспечить ее возрождение в следующем теле и тогда ты обретишь бессмертие, ты будешь вечно жить в разных обликах. Так возникла идея метемпсихозиса. «Psycho» – душа, отсюда слово «психология». При метемпсихозисе – перерождении душ, душа перерождается от человека к человеку. Идея, что душа может переродиться в животное, в растение, в свеклоуборочный комбайн, была грекам чужда. Душа человека может переродиться только в человека, причем эллин только в эллина. Варвары там есть, конечно, но еще

не известно, перерождаются ли варвары. А эллин перерождается только в эллина.

Пифагор узнал свой щит якобы времен троянской войны. По его словам он помнил 16 своих перерождений. Это много, не каждый из нас помнит столько, даже после пятницы.

Эмпедокл¹² - один из поклонников теории переселения душ, утверждал, что он был рыбой и отчетливо помнил, как он был рыбой. Помните, как он любил говорить, что он был рыбой? На этом основании он не знакомился с евреями, чтобы они не сделали из него рыбу-фиш. (Шутка). Когда началось извержение вулкана, то Эмпедокл убежал не в море, как подобало бы рыбе – потому что где же ему еще искать спасения? – а как раз к вулкану и прыгнул в его зияющее жерло. Вот интересно! Хотя, че там рыбе делать? Но он, может, лучше знал. Вот такие были любопытные персонажи.

Человек, я имею в виду посвященный, помнил свои прежние жизни и мог желать воплотиться в некоем

¹² **Эмпедокл из Акраганта** (ок. 490 до н. э., Агридженто — ок. 430 до н. э.) — древнегреческий философ, врач, государственный деятель, жрец

достойном теле дальше. И душа, таким образом, обретала бессмертие. Идея бессмертия души – главная в греческой философии спасения. Вот откуда идея спасения души у христианства! Потом к этому добавилась идея телесного воскресения – это уже чисто еврейская идея у фарисеев. Вот вам христианство как таковое.

У Платона познавать сущность этого мира нужно, во-первых, потому, что нужно стремиться к знаниям – это достойный человека путь, а во-вторых, чем более ты познаешь этот мир, тем более ты будешь знать о мире чистых сущностей, и тем с большей вероятностью душа твоя переродится в достойном человека теле. И так ты бессмертие обеспечишь.

Идея обретения бессмертия проходит через всю греческую великую литературу, через поэзию, через гимны, через драмы. Все герои бессмертие обрести жаждут, но это надо делать законным путем. Бессмертие достигается не телесным, а душевным образом, а вот те, кто пытается это делать телесно, их всех наказывают. Знаете ли вы имена этих несчастных?

Сизиф. Он не захотел умирать и пожелал остаться в своем нынешнем теле. И он несколько раз богов обманывал. Они ему приказывали явиться на сборный пункт с вещами, а он не ходил, обманывал, подставлял вместо себя других. В общем, они очень на него разозлились. И, в конце концов, вы знаете, какое наказание у него было? Он вкатывал камень, чтобы показать тщету человеческих усилий: как ты не пытайся, но божественных установлений ты не перешибешь.

Он вкатывал до конца времен (и до сих пор это делает) камень на вершину горы и как только камень становился на пик, он скатывался с противоположной стороны. И все это делает до сих пор. Вы слышите иной раз грохот?

Некто Орфей известен вам? Расскажите про него, кто был Орфей? Чем он знаменит? Какая у него кредитная история? А, Марина? Расскажите, пожалуйста, я чувствую по вашему лицу, что вы знаете.

Студентка: Слышала что-то такое, но его личная жизнь мне неизвестна.

Мацих: Личная жизнь Орфея вам неизвестна? Она как раз самая интересная. Кто знает о личной жизни Орфея? Чем он занимался, чем зарабатывал?

Студентка: Что-то с искусством связанное.

Мацих: А именно? Артист оригинального жанра? Фокусник? Цыган? Медведь? Кто он был? Петросян?

Студент: Неплохо играл, не помню только, на чем.

Мацих: На электрогитаре, лабал в кабаке на басах.

Студент: Это же он перепел сирен?

Мацих: Нет, он пел сравнимо с сиренами, но сирен перепеть человек не мог по определению.

Студент: Но он неплохо пел.

Мацих: Да, он хорошо пел и клево лабал, я бы так сказал по-гречески.

Орфей был музыкант, изобретатель множества музыкальных инструментов, в том числе лиры. Вопрос только вот интересный, был ли он грек или варвар? Некоторые утверждают, что он был фракиец, т.е. варвар. То как же он мог играть лучше греков? Вот это интересный момент. Кто был Орфей? Откуда его культ? Греческий ли это культ?

У него была возлюбленная, Эвридика, которая умерла молодой. Он ужасно горевал, и боги, поскольку он играл изумительно,

Орфей. Марцелло Провенцале, 1608 г.

он укрощал диких зверей и даже варваров, а это хуже, чем дикие звери; т.е. варвары прекращали свои дикие пляски, когда слышали его лиру. И боги так растрогались,

он так горестно пел, музы плакали и просили богов. Вопрос: кого? Как, по-вашему, они просили Диониса или Аполлона о том, чтобы ему было позволено сойти вниз и забрать душу своей возлюбленной?

Студентка: Обоих.

Мацих: Нет, одного из этих двух. Я вам подсказал.

Студентка: Значит, Диониса.

Мацих: Да, Диониса они попросили. Он спустился, сказал: «Я от Диониса», взял девицу, не, не девицу, даму. За руку он ее, разумеется, не брал, там и руки-то не было. Это же душа – бесплотное понятие. Но понимал, что она за ним идет (это ж царство вечных теней), а потом когда он перестал слышать ее шаги (такой красивый поэтический элемент), он окликнул, она не ответила. Тогда он обернулся – и все пропало. Это одна поэтическая легенда.

А вот другая о том, что возлюбленных было у него чертова прорва и ни за кем он ни в какой ад не спускался, а любил всех, прямо не отходя от кассы – где играл, там и любил. Его покровителем был бог Дионис, которому он все свои пляски и посвящал. Любил он выпить, и возлияния все, и всех красоток Дионису в Дионисовом святилище и

посвящал. Но тут как-то раз бог Аполлон сказал ему, что если Орфей переметнется к нему, то Аполлон покажет ему секреты игры на божественных музыкальных инструментах, на своей золотой кифаре. Кифара – она вроде арфы, лиры, которая была только у Аполлона (Феба). И этим Орфей соблазнился, потому что это было для него важнее всего. И он сказал: «Если ты покажешь, я буду тебе служить». Тот показал, и он сделал себе музыкальный инструмент и стал играть вообще неслыханно. А Дионис, рассерженный тем, что тот ему изменил, Орфей изменил своему покровителю, и стал играть в других святилищах, напустил на него своих приверженцев – женщин, которые назывались вакханки или менады. И они его разорвали.

Эмиль Бен. Смерть Орфея, 1874

Совершенно другой миф, заметьте. В одном случае он поэтический: спускается за возлюбленной, слышит ее шаги, а в другом – он ведет себя, как классический музыкант, пьяница и бабник (какими мы и знаем этих ребят) и погибает от этих самых баб, разорванный, потому что меняет покровителя.

Студентка: Это два Орфея разных.

Матих: Большой вопрос: два ли это Орфея? Это точно две разных истории. И вторая – про соперничество Диониса и Аполлона – очень характерная. Нет сомнения,

что первый миф с красивыми делами про смерть от любви – это позднейшая придумка, безусловно, это поэтизация. А, видимо, первая история она отражала реальную борьбу Диониса и Аполлона, т.е. тут речь идет не о конкретном Орфее. Был ли Орфей? Кто он был: фракиец или грек? Бог его знает. Я думаю, что Орфей – это образ. Вы согласны со мной? Это образ, конечно, обобщенный.

Тогда мы проанализируем второй миф. Речь идет о судьбе художника: кому принадлежит искусство? Художник должен поклоняться Дионису, т.е. буйству, вину, ночным темным, оргиастическим культам? Или художник есть служитель светлого, рационального, аполлоновского, солнечного начала? Это вопрос вопросов. И ответа на него нет до сих пор.

Вот судьба Орфея, если она в такой перспективе предстает, показывает те сложные мысли, которые бурлили в голове у греческого мастера, у певца, у поэта. Кому он должен служить и что есть искусство?

Когда мы говорим «миф», мы чаще всего прикладываем к нему эпитет «греческий», что, конечно, абсолютно неверно. Мифы есть у всех народов на свете. Нам

греческие просто более знакомы, чем остальные, но греческие мифы для западной цивилизации, конечно, есть вещь исключительно важная. Не знаю, в какой мере китайские мифы важны для китайской цивилизации, наверное, не меньше, но нам китайские мифы меньше говорят. А вот миф греческий есть постоянный источник вдохновения для всех последующих поколений именно потому, что к греческим богам перестали относиться всерьез. Если бы к богам относились по-прежнему серьезно, никакого искусства вокруг мифов возникнуть не могло бы – это было бы кощунством. Если к искусству относиться, как к божественному, например, иконы в православии, тогда спор вокруг искусства неизбежно принимает формы иконоборчества, когда иконы рубят топором, сжигают, говорят, это бесовская вещь, а другие говорят, нет, это промысел божий, это божий лик и т.д. Вокруг греческого наследия ничего такого не сложилось, потому что к богам, которые там изображены, никто не относился уже всерьез. Есть, оказывается, в мифе об Орфее и такая изнаночная сторона.

Каким образом религия влияет на искусство? С одной стороны, она его прямо одушевляет, например, в случае с христианской иконописью или вообще со всем христианским искусством, которое все родилось из церковной службы, из литургии. А с другой стороны, пример Греции – это когда религия утрачивает всякое влияние на общество и тем самым освобождает искусство. Искусство развивается дальше свободно, без всякой оглядки на религию и ее запреты. И так тоже можно.

Несколько слов, о которых я писал вам в силлабусе¹³, об особенностях греческой мысли, например, об отношении к женщинам. В этой связи у греков есть миф, которого нет ни у одного другого народа. Вы понимаете, что я имею в виду? Там еще речь про «ящичек». Чей был «ящичек»?

Студентка: Пандоры.

Мацих: Да. Кто была Пандора? Не отворачивайтесь от нас, скажите правду. Она работала у вас в филиале, мы знаем.

Слово «пандора» переводится, как «всем дающая» или «всем дарящая». Когда о женщине говорят «всем

¹³ **Силлабус** (лат. *syllabus* - перечень); каталог; то же, что учебная программа.

дающая» – это комплимент? Далеко не всегда, ибо слово «давать» на всех языках имеет еще такую коннотацию, о которой все сразу подумали. В таком названии Пандоры – обобщенном образе женщины – тоже есть уничижительный оттенок. Вы знаете, что случилось с Пандорой? Она была вестницей богов и ей сказали перенести из одного места в другое «ящик». Это не трудно, даже для бабы. Единственное, что – нельзя было открывать. Какую ошибку сделали боги? Боги сказали: «Ни в коем случае не открывай!». Но они ж знали, кому говорят. Разве можно женщине такое говорить? Как только она услышала «ни в коем случае», естественно, отлетев на безопасное расстояние, она что сделала? Открыла. Что разлетелось из ящика?

Студентка: Смерть, болезни.

Мацих: Смерть была [и раньше, до этого]. Но болезни, несчастья, бедность, глупость, раздор – все это из ящика разлетелось. Боги хотели спрятать, а баба все открыла. Какой замечательный образ и символ! Я не знаю, вы действительно верите, что все несчастья в мире из-за баб? Бедность, болезни? Ну, есть болезни, которые реально из-

за них. А остальные? То есть, все болезни из-за женщин? Бедность, глупость, невежество, раздор, агрессия – это все из-за баб?

Я, как человек много пострадавший от женщин, понимаю, что от них много несчастий, но я не готов сказать, что все. Это мне кажется сильным греческим преувеличением. Интереснейшая идея! Большое обвинение женщинам потом выдвинет только Библия, когда из-за Евы люди потеряют рай, т.е. вообще райское блаженство потеряно из-за Евы, из-за того, что она куснула яблочко. Да, потому что именно так.

Пандора открыла этот ящик – и когда она увидела разлетающиеся все эти кошмары и ужасы, она испугалась и выпустила их все, а потом лихорадочно захлопнула. И что осталось там на дне? Надежда. Ну, не прелесть?! Более изумительного, концентрированного, поэтичного, анти женского, женоненавистнического мифа не создал ни один народ. Любили ли греки своих женщин? Они их любили, конечно, по необходимости, потому что надо продолжать род, но относились к ним с большой осторожностью и не ждали от женщин ничего хорошего.

Греческая культура – это культура исключительно и по преимуществу мужская. Тут напрашивается вопрос, как это совмещается с таким количеством богинь, таких вроде свободных богинь, которые делают, что хотят? А никак. В реальной жизни женщина не имела в Греции, что довольно странно, в Греции – родине демократии и всех свобод – женщина не имела почти никаких прав. В реальной жизни было как: женщина росла на женской половине дома, которая называлась «гинекей» (отсюда «гинекология»), не выходила на мужскую. Девочка и девушка до момента брака вообще не выходила из отцовского дома. Если семья была бедна, а это было очень часто среди крестьян, ремесленников, пастухов, в семье было много детей. Никакой контрацепции тогда не было: женщины рожали, пока могли, и если в семье было чрезмерное количество детей, больше, чем семья может прокормить, то, как поступали с девочками? Их убивали. Относили, например, в лес и оставляли. Мальчиков – нет, потому что мальчик потом кормилец, а девочка – обуза. Женщина обуза и... (Кашель в аудитории). Кошмар! Это я совсем, видимо, переборщил. Машенька, я больше не

буду. Сейчас я перейду к педерастии – уже только о мужиках буду.

Женщина мыслилась, как жена и мать в самом функциональном варианте. Как жена, которая должна рожать, как мать своим сыновьям. Причем воспитывает она только девочек, сыновей воспитывает, разумеется, отец. И община, город.

Студентка: Они жили по разным частям дома?

Мацих: Они жили по разным частям дома, да. Когда мальчику было больше 5-6 лет (точного возраста не было), отец начинал заниматься его воспитанием. И с этого момента мальчик ходил уже по преимуществу в мужской компании.

Человек, которого звали «пэд-агогэ» – педагог («пэд» – ребенок, педиатрия отсюда же) – тот, который водил ребенка за руку (греч. paidagōgos, сложение pais, paidos "ребенок, дитя" и agōgos "ведущий"– Прим. Ред.). Этот человек отводил их всех в школу. Конечно, никаких девочек туда не брали. Мальчик постигал там грамоту, учился читать и плавать, потому что для греков, нации моряков и рыбаков, плавать – это как ходить. Там он

учился спорту, ибо для греков гимнасий – место, где развивается тело, а не только душа, – было также необходимо, как и мусей. Μουσείον, museion – место, где служат музам, там постигают искусство и науки, а в γυμνάσιον, gymnasium, служат как раз телу. У нас эти слова приобрели совершенно иной оттенок: и «музей», и «гимназия».

Так вот, мальчик ходит и в мусеон, где он играет на музыкальных инструментах, учиться стихосложению, учит грамматику, учиться красноречию (греки безумно ценили умение красиво говорить), риторику.

В гимнасии они учатся бегу, борьбе, метанию диска, копья, владению мечом. А когда постарше, и если он побогаче, то и владению конем. Кто хочет посвятить жизнь флоту, того учат корабельным искусствам. То есть мальчик готовится к реальной жизни ратора, воина, гражданина. Плюс к этому отец учит его дома своему ремеслу, скажем, гончар, кузнец, оружейник и т.д. А для девочки есть только одна дорога: девочка – жена и мать. Все, что она знает – это горшки, это посуда, это домашний очаг и ее вот эта замечательная добродетель. И все.

Студентка: А в богатых семьях?

Мацих: То же самое, только девочки и женщины дороже одевались, в более комфортных условиях жили.

Студентка: И были безграмотными все равно?

Мацих: Абсолютно. А никто и не думал их учить. Не было необходимости. Но были девушки (не девочки, вот именно, девушки), которые делали такую карьеру, которые выучивались сами. И в основном это были из тех, которые «понаехали» – провинциальные девушки, которые попадали молодыми в Афины. Конечно, такое могло быть только в Афинах, в Спарте такого не было. В Афинах, в Коринфе, в Фивах, в других греческих либеральных городах эти девушки могли освоить ремесло гетеры. Гетера – это не проститутка, это ну, как куртизанка, это нечто такое высшее. Проституток, конечно, хватало, как везде в портовых городах. Вы представляете себе, когда моряки приходят с моря, то кого они ищут прежде всего? Храм? Храм, конечно, где приносят жертву «изобилия».

Гетера – это тоже греческое изобретение, это такой класс образованных красавиц, которые ведут свободный образ жизни, они принципиально не замужем. То есть они

полностью нарушают идеал греческой женщины, ибо если греческая женщина не выходила замуж, то она либо ужасно уродлива (это такое уродство, что позор для семьи), либо она глупа ужасно, или она больна каким-то страшным недугом. В любом случае – это позор для семьи и это ужасная ситуация для нее самой, потому что с кем она останется? Родители помрут (умирали в Греции достаточно молодыми, как и везде в архаических обществах), а она остается ни с кем: у нее нет дома, куда бы она ушла из отцовского, а отцовский дом все равно поделят между собой сыновья – ее братья, и она останется в приживалках. То есть ситуация самая ужасная. Такие шли иногда в няньки, иной раз к родственникам, а иной раз – к чужим людям.

Но гетера принципиально не идет замуж и живет, нарушая всяческие законы (анти номос – нарушение всякого закона). Она живет по своей воле – и это допускается свободным греческим обществом. У нее дома салон – прообраз всех на свете салонов, которые потом в Европе расцвели, и которые сейчас прекрасно существуют. Причем салон, заметьте, содержит именно женщина,

хозяйка. Вот хозяин, – не рифмуется «хозяин салона», а хозяйка – да. Это именно со времен греческих гетер. Слово «гетера» означает «товарищ» (греч. *hetaira*, букв. Подруга – Прим. Ред.), т.е. у нее отношения с мужчиной могут быть сексуальными, а могут быть и нет. Именно в названии и подчеркнут их товарищеский, дружеский характер. Когда мужчина идет к гетере, совершенно необязательно он идет за сексом. Наоборот, как раз за сексом он идет к проститутке, покупает ее за несколько монет – и все в порядке. К гетере он как раз идет за иным – за общением, за советом, за беседой. За столом у гетеры собирается избранное общество: математики, астрономы, путешественники, философы. Она первая узнает, какое новое стихотворение написал поэт. Она знает, как продвигается работа над новой трагедией у Эсхила¹⁴ или у Софокла. Это у нее дома говорят всякие политические речи и заговоры иной раз составляются против правителей. Она знает первая все новости в городе, ибо все стремятся стать

¹⁴ **Эсхил** (др.-греч. Αἰσχύλος, 525 до н. э. — 456 до н. э.) — древнегреческий драматург, отец европейской трагедии. Его родным краем был аттический город Элевсин, славный своими старинными таинствами, учреждёнными, по преданию, самой богиней Деметрой. Автор драм «Орестея», «Прометей прикованный»,

ее товарищами. Далеко не всех она допускает до ложа, ибо деньги ее потом перестают интересовать. Ей делают дорогие подарки, она живет в хорошем доме. То есть у нее интересный статус: ее вроде бы все презирают, замужние женщины плюют ей вслед, это не пресекается. Только женщины, – мужчина будет ужасно оштрафован, а может быть и избит. Женщинам замужним можно, это допускается. Но с другой стороны она несравнимо выше статусом всех этих замужних клуш, ибо она живет по своей воле, и именно от этих клуш к ней идут все мужья. Вот такая любопытная ситуация. Это тоже абсолютно новый женский статус, который потом именно в Европе-то и пророс.

Все-таки японские гейши при похожести, они все-таки иные. Для гейш, и в основном, конечно, важен сексуальный момент, потому что без этого гейша как бы теряет свое предназначение. Во всех остальных обществах вообще нет ничего похожего на гетер и потом на всех их «сестер» на протяжении европейской цивилизации – всех тех красавиц, которые содержали салоны и были законодателями мод и на одежду, и на стихи, и на

философию, которые сыграли громадную роль в формировании греческой культуры. Без преувеличения – громадную. Гетер мы знаем по именам. Кого из греческих жен мы знаем? А гетер очень многих по именам. В них влюблялись, их ревновали, они были реальными музами греческих творцов. Вот такой вот интересный элемент в отношении к женщинам.

Ну, и нельзя не сказать о педерастии.

Это не греческое изобретение. Гомосексуализм, как форма поведения, как объяснили специалисты (это нельзя сказать норма), но это такая форма поведения, характерная определенному проценту популяции. То есть пораженность популяции всегда будет примерно такова. Где-то до 10% мужчин склонны более или менее к гомосексуальной форме поведения. Другой вопрос, как общество к этому относится? В иных случаях это резко давится репрессивно, как при советской власти, при которой я вырос. В других случаях, это пропагандируется и возносится на щит, как например, сейчас, когда и шагу не ступить без этой голой задницы.

И то, и другое, я думаю, перекосы, как в маятнике, – из одной крайней точки в другую крайнюю. Но искоренить гомосексуализм никогда ни одно общество, ни одна культура не сумели, но греческая – вознесла его на щит.

Само слово «paid-eraste» – это продолжение «paid-agōgos,». А пэд-агог – это тот учитель, который за руку ведет мальчика в школу. Пэд-эраст – это тот человек, которому ты доверяешь ребенка (erastes – достойный доверия). Педерастия – это способ наставничества и ниче иное. Кто может наставить мальчика в мужских добродетелях? Разумеется, мужчина. Неужели баба? Если бы древние греки увидели нашу нынешнюю школу, феминизированную на 95%, они бы подумали, что мы сошли с ума. С другой стороны, за что боролись – на то и поролось: вот вам комитет солдатских матерей, вот вам армия. Она почему такая среди прочего? Потому что командуют бабы. А что ж вы хотите, чтобы они прививали парням? Это совершенно следствие одной и той же причины, однозначно. Поскольку греки и помыслить о таком не могли, то естественно, никаких женщин к воспитанию мальчиков, юношей они не допускали.

Значит, мальчик должен жить в мужском коллективе: жестком, соревновательном, конкурентном, но вместе с тем ему должна быть понятна дружба мужская и братство воинское. А без этого ж какая греческая армия, какой флот? Самопожертвование, готовность умереть за друга – греческая поэзия полна прославлений гомосексуальной любви. Разумеется, греки не видели в здесь ничего стыдного, плохого, грязного, ничего того, что потом христианство стало этому приписывать. Для них это была абсолютно естественная форма поведения для парней, молодых мужчин, которые живут в замкнутом мужском коллективе. Более того, когда вместе ставили друзей-любowników в строю, то это дополнительно усиливало их боевой потенциал. Каждый стремился умереть с доблестью на глазах у друга, прикрыть его, скажем, щитом от вражеских стрел. И в греческой поэзии полно образцов такого рода дружбы, такого трогательного самопожертвования. Кастор и Поллукс¹⁵ и прочие

¹⁵ **Диоскúры** (буквально «отроки Зевса») — в древнегреческой мифологии **Кастор и Полидевк** (лат. Поллукс), близнецы, дети Леды. По наиболее распространённому взгляду, отец Кастора — Тиндарей, а

греческие «друзья», разумеется, были гомосексуалистами и не могли быть никем другим.

Они были друзьями-любовниками. Были ли они при этом женаты? Да, одно не мешало другому. Некоторые из них, как мы знаем, о тех, чьи биографии известны нам хорошо, так никогда и не женились в силу каких-то физиологических, психологических причин, не знаю. А некоторые, сохраняя всю жизнь дружбу со своим юношеским приятелем, дружбу вполне гомосексуальную, заводили семью, потому что это была их обязанность, долг

отец Полидевка — Зевс; вследствие этого первый смертен, второй бессмертен.

гражданина – продолжить род и обеспечить ситуацию, чтобы были дети. При этом никто не спрашивал, как он относится к своей жене, любит ли ее. Такие категории вообще не применялись. Это не о том был разговор – он обязан жениться. Как гражданин, он обязан был выступить на войну, когда родному городу угрожает опасность; обязан платить налог (а какой же он иначе гражданин?); обязан внести вклад в общественную работу; обязан прийти проголосовать (он же не раб какой-нибудь). Точно также он обязан жениться и продолжить род. Вот именно так.

Любопытный взгляд на такие базовые вещи, как любовь и семья, совершенно отличающийся от наших, от западных. В этом смысле западная цивилизация из-за ее христианского элемента очень далеко от греческой отстоит.

Гомосексуализм назывался в раннехристианские времена «греческой болезнью» и считалось, что это свойственно именно и только греческим людям. Это конечно не так. Процент этих самых гомосексуалистов, я думаю, среди греков был такой же, как и среди других.

Но римляне, например, которые очень многому учились у греков, научились и этому. И хотя римская строгая добродетель, гораздо более строгая, – солдатская, линейная, патриархальная, – осуждала гомосексуальные связи, но, тем не менее, для верхушки на это закрывались глаза. Именно ссылались при этом на греческие образцы.

Элемент женоненавистничества в греческой культуре силен. И это делает его таким вот любопытно-своеобразным. Идеалом для греческой женщины была девственница. Тут один только шаг до культа вечной девственницы, которая и родит, не потеряв девственность. Вы знаете одну такую! Правда, она не гречанка, но это не важно. Вот такой любопытный момент.

И вот еще о чем нужно сказать... Вы хотите что-то спросить?

Студентка: Леонид Александрович, а существовал ли в Древней Греции какой-нибудь аналог Библии, Торы, Корана, или у них вообще ничего не было такого?

Мацих: У них было полно книг, но ни одна из них не обладала священным статусом. Вы хороший задаете вопрос. При всей любви греков к книгам, к письменности,

к литературе (они ее очень любили) и литература была исключительно многообразна, начиная от поэзии, трагедии, драмы до философских трактатов, кончая детективами, – и такой жанр тоже греки знали. Но ни одна из книг не имела статуса священной. Ничего похожего на Тору, Коран и Библию не было. И они как раз с удивлением смотрели на евреев. Коран они не знали, Коран возник гораздо позже, когда греки уже, как цивилизация, давно исчезли. Древние греки. И когда евреи говорили о Библии, с таким пиететом, что вот – книга, в которой все написано, то для них это было непонятно, как это может быть в одной книге написано все.

Для греков таким статусом великой книги обладал Гомер. Гомера знали многие, большие куски наизусть из «Илиады», «Одиссеи». Но они знали его, скорее, как образованный русский человек знал Пушкина до революции, большие куски из «Евгения Онегина» мог цитировать с любого места. Но Пушкин, при всей любви к нему, все-таки не священное писание – такое вот «наше всё». Для греков Гомер был «их всем». Цитаты они

приводили. Очень ценилось, когда оратор на суде мог свернуть цитатку из Гомера. Когда на пиру обменивались мудрецы репликами, кто-то начинал стих из Гомера... и замолкал, а другой подхватывал и третий продолжал. О, это было великолепно! Вот, понимаю, собирались единомышленники – люди одного круга, но при этом никто, конечно, Гомера священным писанием не объявлял. Это просто был некоторый обязательный минимум для любого грамотного человека, который греческим языком овладел.

Когда греческий язык стал распространенным, после завоевания Александра Македонского, и он попал и в Египет, и в Палестину, и в Малую Азию, и в Персию, и аж до Индии дошел, благодаря непобедимым фалангам Александра, то люди, которые жили эллинистической цивилизацией, приобщалась к греческому образу жизни. Что они, прежде всего, учили? Гомера. Это для них был первый признак, что они уже больше не варвары – они тоже эллины, только рожденные в Персии. Для них Гомер выполнял такую роль, но это именно роль культуртрегерская, цивилизующая, не приобщение к

священному писанию. Так что вопрос очень верный – не в бровь, а в глаз. Священного писания, как типа текста, у греков не было. Они не понимали, как в одной книге вся священность может поместиться. Они именно были за плюрализм.

Студент: В продолжение этого вопроса. Есть мнение, что сперва они эволюционировали область монотеизма, на позднем этапе неоплатонизм, это уже очень близко...

Мацих: Неоплатонизм – это не религия, а вообще-то, это философия. Да, была у греков идея некоторого Абсолюта, который всем движет. Это не был монотеизм в собственном смысле. Это была идея, что боги – это вроде как бы для простых, а на самом деле миром управляют совершенно иные начала. Был поэт Ксенофан¹⁶, который говорил о том, что есть один личный Бог. А были люди, которые говорили о том, что есть Бог, как Мировой Закон.

Неоплатонизм – это, вообще, философия. Был Платон, – потом возник неоплатонизм. Платоники и неоплатоники оперировали чисто философскими категориями, совсем не

¹⁶ **Ксенофан Колофónский** (около 570 до н. э. — ок. 475 до н. э.) — древнегреческий странствующий поэт и философ.

религиозными. Там Бога как такового могло и вовсе не быть. Там не было ни моно-, ни политеизма. Политеизм – многобожие – они давно отвергли. Бог философов, он никак с этими Зевсами, Артемидами не коррелировал. Но до монотеизма, в смысле библейского, еврейского и христианского, они тоже [не дошли]. Они не тяготели к этому.

Студент: Считается, что современное христианство – это синтез иудаизма и...

Мацх: Так оно и есть. Но христианство – это многослойная штука. Мы пока говорим о греках. Мы, правда, говорили о том, что из греческого наследия христианство взяло. Оно взяло очень много, безусловно, начиная от образа святой девственницы до идеи, что у бога могут быть сыновья на земле – это тоже чисто греческое. Боги сходили к земным женщинам и потомство, которое у них было, приобретало статус полубогов. Например, Геракл и некоторые другие непобедимые богатыри – они были как раз сыновьями смертных женщин и богов. Это тоже идея греческая. Христианство, безусловно, синтез. Это никто никогда не отрицал, кроме

самых таких необразованных христиан, которые считают, что все с небес. Реально, конечно, синтез, но греческая религиозность и греческая философия она, конечно, далеко не вся христианству пригодилась. Были вещи, которые они (христиане) потом, как язычество, отвергли. Например, философствование. Идея, – вообще – что истину нужно искать в философии – чисто греческая. Идея диспута, разговора первоначальному христианству совершенно не нравилась. Они ее отвергли.

Хороший вопрос. Еще или идем дальше?

Пойдем дальше.

О двух вещах нам нужно сказать, о двух героях. О Прометее, о котором вы тоже знаете. Личная жизнь Прометея вам известна лучше, чем Орфея?

Студентка: Он хотел людям огонь подарить.

Мацих: Зачем? Зачем людям огонь?

Студентка: Кто-то ему помешал. Его за это приковали к скале.

Мацих: Кто, американцы?

Студентка: Нет.

Мацих: А кто ж еще?

Студентка: Видимо, Зевс, боги

Мацих: Зевс был американец? Прометей сам-то кто был?

Студентка: Он был богом огня.

Мацих: Нет, Прометей не был богом огня. Он был из титанов, с которыми боги враждовали, а потом помирились. И почему-то ему понравились люди. Вот это тоже интересная идея. Кто-то из небожителей может так полюбить людей, что согласен себя за них принести в жертву. Вот это в христианство потом перешло почти полностью. Также довольно странная идея для греческой мысли, так как боги относятся к людям в высшей степени враждебно, прохладно и высокомерно. Но Прометей почему-то победил. Вы правы, он понес суровое наказание.

Есть несколько версий мифа.

По одной он подарил людям огонь. Вернее, не то чтобы подарил, он научил пользоваться. Но не только огонь – все ремесла. Он научил делать плуг, научил запрягать коня и быка, научил делать рыбацкую сеть, корабельный руль, научил ковать железо. То есть он был как бы первый

первопредок, который всем ремеслам и всем искусствам людей научил. Кстати, он научил не только этому. Он научил, как правильно совокупляться. Научил тому, что у одного мужа должна быть одна жена. Запретил каннибализм (людоедство) и пытался даже внедрить вегетарианство среди людей. У него были такие сильно гуманистические убеждения. Все это боги ему прощали. А не могли они простить ему только одного. Когда приносили в жертву богам животных – каких-нибудь козлов, быков, баранов, то он мясо отдавал людям, а богам оставлял только кости. Вот этого-то они простить не могли. Когда он поднял руку на святое, тогда Зевс сказал, что его нужно приковать к горе. Кстати, где это происходит? На Кавказе. Вы слышали песню «На Кавказе есть гора самая большая»¹⁷? Это вот там. И там прилетает

¹⁷ Из песни «Кавказ». Исполнял Петр Лещенко. 1936 г.

.....На Кавказе есть гора
Самая болшая,
А внизу течёт Кура
Мутная такая.
Если на гору залезть
И с неё кидаться,
Очень много шансов есть
С жизнями расстаться....

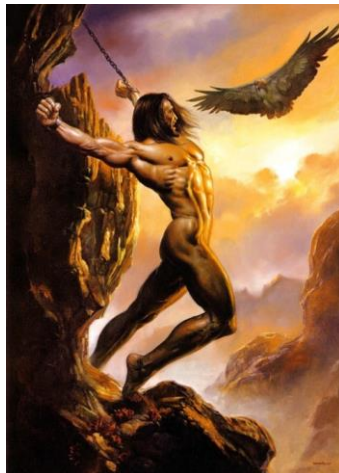

птица орел. Я ж говорил, американская, она же на американском гербе. Клюет ему циррозированную печень. Но если бы выклевал раз, а то там что происходит?

Студентка: На следующий раз печень восстанавливается.

Матих: Конечно, он клюет по ночам, а днем она отрастает заново. И орел с упорством, достойным лучшего применения, прилетает опять. Ужасно! Да, и с точки зрения логики мифа он до сих пор там висит, и орел, шурша, махая могучим крылом, до сих пор все это совершает.

Вот вам любовь к людям! Вот так вот любят боги. Тоже любопытный знак в мифе о Прометее. То, что он подарил людям искусства и навыки – это ладно, это у многих народов есть. Но чего боги не могут простить? Боги не могут простить не того, что люди научиться пользоваться огнем, сексом или рыбацкой сетью. Нет. Они не хотят потерять свою долю в жертвоприношениях.

Кто такой был Прометей? Не был ли это первый человек, который возвысил свой голос против богов, который сказал: «Ребята, а богов-то и нет, не надо им служить». Тут-то боги ему показали, что они есть. В общем, у этого мифа очень много смысловых слоев. Чем руководствовался Прометей? Он кем хотел стать? Этот вопрос никто никогда не задавал. Хотя нет, задавали, конечно. А он зачем это сделал? Кем он хотел стать среди людей? Почему ему нужно было людям внушить все эти странные идеи, что богам нужны кости, чтобы они ослабели. А кем он сам хотел быть?

Студентка: Человеком.

Матих: Не знаю, он уже был человеком. Не хотел ли он быть вождем этих самых двуногих?

Студент: Нет.

Мацих: Нет, конечно, нет. Он хотел быть царем. По этому поводу хорошо сказал Альберт Камю¹⁸: «Всякий Прометей неизбежно становится Цезарем». Это очень хорошая фраза. Тот, кто идет к людям с чересчур широко раскрытыми объятиями, к тому надо хорошо присмотреться.

Студент: Разве Цезарь шел с широко раскрытыми объятиями?

Мацих: Нет, не в этом дело. Просто тот, который говорит: «Я знаю, как надо» — этот человек, конечно, хочет быть вождем.

Как у Галича:

«Не бойтесь чумы, не бойтесь сумы,

Не бойтесь ни мора, ни глада,

А бойтесь единственно только того,

Кто скажет: «Я знаю, как надо».

Кто скажет: «Тому, кто пойдет за мной:

¹⁸ **Альбёр Камю** (фр. **Albert Camus**, 7 ноября 1913,— 4 января 1960) — французский писатель и философ, близкий к экзистенциализму, получил нарицательное имя при жизни «Совесь Запада».

Рай на земле — награда»¹⁹.

Комплекс Прометея – это интересная вещь.

Какие интересные древние мифы, какие глубокие, как они далеко-далеко выходят за рамки школьного, школярского прочтения: и про Пандору, и про Прометея. Далеко это не все так просто. Это показывает глубину греческого взгляда на мир – очень-очень нелинейного. Конечно, греки знали, что земля – это шар. Это было видно, как корабль скрывается за горизонтом. Более того, они знали диаметр Земли. Они далеко не были такими архаичными простаками, какими их многие изображают. Они наблюдали звезды. У них были любопытнейшие суждения об устройстве Вселенной. А уж греки у Александрийской библиотеки – до такого додумывались!

Монотеизм, как библейская система ценностей, был для них неприемлем.

Обрыв лекции.

Продолжение греческой темы.

Картина замечательного художника, был такой Самуил Бакст

¹⁹ Александр Галич «Поэма о Сталине»

Несмотря на свою фамилию, он хорошо рисовал. Реально он был Бакштейн, но взял псевдоним Бакст. Он был театральный художник, выезжал с Дягилевым на «Русские сезоны» в Париж. Среди прочего он нарисовал и такую картину, она называется «Древний ужас». Вот в Питере когда будете, обязательно зайдите в Русский музей, в корпус Бенуа, там она должна висеть, и посмотрите на нее. Она большая. Это картина популярная, ее часто возят по разным там Япониям-Германиям. Она производит сильнейшее впечатление. На меня, во всяком случае. Но здесь она невелика. Вот вы посмотрите на нее в ее полный рост. По-моему, это замечательное

произведение. И оно именно такое мировоззренческое. Я не говорю уже о живописной технике, но тут понятно, все великолепно выписано и колористика прекрасная. Но здесь, помимо этого, мне кажется, очень хорошо схвачено мировоззрение античного человека. Это именно древний ужас – как бы в таком ощущении люди и жили. И эта богиня непонятная на переднем плане, похожая на лигийскую или фригийскую богиню. А лигийцы и фригийцы – это народы Малой Азии. Тогда в Малой Азии никаких турок не было, а жили разные народы европейские. У них была такая богиня – Великая Мать Кибела, но в отличие от Мокоши и прочих таких неаппетитного вида красавиц, там с грудями до колен и прочими прелестями, — это Великая Мать всегда изображалась красавицей. То есть притом, что она животом потрудились и родила массу всего и наследство у нее какое огромное, она не потеряла красоты женской. Вот она вся такая привлекательная. Но это привлекательность не девушки, а именно уже зрелой женщины. Она с птицей, как правило, с голубем, и она выпускает птицу каждый раз, как заново беременеет, ибо она порождает жизнь. Это напоминает вам нечто? А

именно что? Нет, мой дорогой, это Благовещение. На праздник Благовещения выпускают птицу. А кому там, благовещение кто известил? Архангел Гавриил Марии о том, что она забеременела, «благословенна ты в женах и благословен плод чрева твоего», — вот, вот вам истоки этого дела. Ну и посмотрите, какая громадная богиня и какие маленькие городки. Справа от богини, видите, какой-то покинутый город; вроде храма, какое-то святилище; там дальше вроде жертвенника внизу, такой ступенчатый; слева — город явно, и там какие-то люди даже суетятся, не понимающие, что происходит. Все понимает только улыбающаяся загадочной улыбкой богиня. Побережье напоминает греческое: изрезанная береговая линия, синее море, скалистый берег, острова — Эллада явно изображена. Это древний ужас именно в таком эллинском варианте. Мне кажется, великолепная картина. Ну, не знаю, может, я в ней вижу то, чего в ней нет, но она мне кажется изумительной. Я ее пацаном увидел в первый раз, и она совершенно произвела незабываемое впечатление. И когда я бываю в Питере, я обязательно туда хожу и, как правило, в каждый свой

приезд стараюсь посмотреть. И не знаю, найдете ли вам такие же глубины, как я, но обратите на нее внимание. Мне кажется, лучше может быть понято античное мировоззрение, и библейское, и греческое, после этой картины. Не после текстов, там, книг, а после картины. Мне кажется, это очень хорошо изображает строй мысли древних людей, хотя нарисовал человек двадцатого века. Малость и ничтожность людей, и по сравнению с природой, по сравнению с мирозданием, и невозможность людей заглянуть за горизонт. И малость этого горизонта, даже с точки зрения богов, то есть сама ойкумена очень небольшая. И их представления о том, что есть мир, и именно ощущение ужаса от непонятности, непредсказуемости того, что происходит вокруг. От непостижимости. Вот такой мне эта картина всегда представлялась, и я захотел с вами, поскольку я вас полюбил с первого взгляда, с вами захотел поделиться.

Давайте вперед, там уже будут собственно боги.

Ну, это понятно кто, да? Кто там швыряет молнии?

Это электрик Чубайс. До того, как он возглавил нанотехнологии, когда работал в электричестве.

Это Зевс, он же Юпитер, но это современное изображение. В принципе, вы видели Зевса много раз и хорошо его себе представляете. А этот из современных делов. Почему я подбирал вам современные картинки тоже? Важно понять: греческие боги вроде как давно умерли, им давно никто не служит, нету их жертвенников, никто не возносит им молитв, никто в них не верит всерьез. Но раз их изображают для мультиков, для компьютерной анимации, для иллюстраций, раз рассказывают о них в мифах, значит, они живы. Каббала говорит, что человек жив до тех пор, пока мы о нем

помним. И любовь – это когда мы выделяем человека из множества. Для нас в пятнадцатимиллионной Москве живы, ну сколько? Двадцать-тридцать человек, хорошо пятьдесят. Все остальные для нас абсолютно мертвы: мы не знаем, ни как их зовут, ни что там с ними произошло. Причем этот человек может быть с нами соседом ближайшим, – мы никогда не спросим, как его зовут, что у него на душе, почему он сегодня смурной, а завтра веселый, – это нас не интересует. Он для нас мертв. А к подруге во Владивосток мы полетим или будем звонить в Нью-Йорк: «Как дела, Серый? Скажи, почему ты не звонишь целых два дня?» – этот человек для нас жив. Вот такие-то дела. Поэтому живы или нет греческие боги? Мы помним о них, но мы говорим о них не как о богах, а, скорее, как о персонажах театра, или кино, или пусть даже мультсериала. Но это неважно. Это же все театр. Все выросло из театра, а театр – греческое изобретение. Греческие боги, так сказать, спустились с Олимпа на театральную сцену, потом перешли на целлулоид и электронный носитель. Но живы! Вот сейчас так представляют Зевса. Таким-то вот образом. А вот кельтских

богов – нет, пока не придумали гоблинов. Вот в Перуна никто не играет. Никто не написал. Не сел там какой-нибудь Ваня Муравьев со словами: «Я Джон Толкиен!», – и не написал своих «Властелинов колец», чтоб весь мир сказал: «Ох, ни фиги себе!», – и поехал в район Малоярославца выяснять, где там Мокошь целовалась с Велесом. Да, а вот про гоблинов и хоббитов: люди пишут в графе «национальность» – «хоббит». Это ж надо сдуреть! Нет, ну я понимаю, вы правильно говорите об этих людях, конечно, портвейн, пиво – это ужасно. Но, значит, это живо все. Вот греческие боги из такой же когорты. Они никогда вполне, мне кажется, не умрут. Они не как предметы поклонения, а именно как часть нашего культурного пространства живы вполне. Поэтому важно на такого Зевса посмотреть. Это ж он с кого-то срисовывал, художник. Может быть, это его начальник в момент проведения совета директоров.

Вперед. Это супруга Зевса. Как ее звали?

Студентка: Гера.

Мацих: Гера. А у римлян?

Студентка: Юнона.

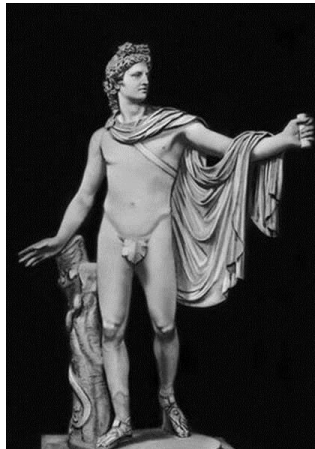
Мацих: Юнона, совершенно верно. Это Гера, она же Юнона, его царственная супруга. Он ей изменял направо и налево, такая собака! А она один раз чего-то такое подумала нехорошее, и он ее подвесил к столбам, на которых укреплено небо, она в этот момент кормила грудью, и стало изливаться молоко из ее груди, – отсюда появился Млечный Путь. Да. Это следы зверств и насилия в семье, о котором мы должны сигнализировать, куда положено. Такая вот Гера-Юнона. Юнона потом стала связываться с молодостью, с юностью (тот же корень), с

вечной красотой. Но вообще эта богиня довольно нейтральная, скажем так, никаких особых следов в олимпийских приключениях богов она не оставила. Зевс с ней не разводился, потому что куда бы он ее дел, но он постоянно ею как женщиной пренебрегал. Это, в каком-то смысле, был прообраз античной семьи: жениться надо. Ты обязан, это твоя гражданская добродетель. И ты должен продолжить род. Как это ты не оставишь потомства? Это какой же ты гражданин? Это ужасное дело. Хуже может быть только – не пойти на войну защищать отечество. Но при этом любить ты совершенно никого не обязан. Ты должен, как добрый Зевс, смотреть вокруг и видеть, что мир полон самого разного прекрасного.

Этот парень знаком вам?

Студентка: В тапочках?

Мацих: От тапочков слышу! Это сандалии бога! Ничего себе тапочка! А если он услышит?

Студентка: С крылышками?

Мацих: Нет, он без крылышек. Он и так может передвигаться в пространстве как хочет. Это Феб, он же Аполлон. Да, прекрасный. Воплощение красоты. Причем какой? Именно красоты рассчитанной, красоты математической. Как называли греки, красоты гармонической. Ибо гармония есть вещь, которую можно исчислить. Гармония, говорил Платон, это отношение частей друг к другу и к целому. То есть гармония математически вычисляется. А есть красота стихийная, но

ее воплощал не он, не Феб, а Дионис. Мы его увидим. Я вам подобрал такого красавца, вы не сможете устоять. А Феб, Аполлон – это бог расчета: расчета в искусстве, расчета в науке. Для греков искусства и науки в этом плане были совершенно одинаковыми вещами. Это то, что творилось при свете дня, при солнечном свете. Это солнечный бог, солярный. И это все плоды зрелого размышления. А иное – это ночью: это экстаз, это вино, это пляски, это забвение всех запретов, это разрушение всех стереотипов. Этим заведует Дионис, а еще до него была богиня Геката. А вот аполлоническое – это как раз ясное, математическое, интеллектуальное, солнечное, выверенное, рассчитанное. Вот такие вещи он воплощает. Поскольку ночью царствует женское, и богиня Геката – богиня колдовства и ведьм.

Уильям Блейк. Геката

Она покровительствует женщинам. Мужчине к ней бесполезно обращаться. Она его не покарает, но она его просто не услышит. Ее служительницы – все женщины. Медия знаменитая служила Гекате. Все, что ночью при Дионисе и Гекате происходит, – это женское начало. Это непредсказуемость, это хаос, это стихия, это секс, это жестокость: вакханок и менад, которые разрывают живьем разных там животных. А мужское должно быть иное, это даже не жестокость, а жесткость, и все остальные черты должны основываться на интеллекте. А интеллект предписывал греку выбирать в партнеры не женщину, а мужчину. Поэтому Дионис – покровитель секса обычного, и в его свите – вакханки и менады – все девки. Дефффики,

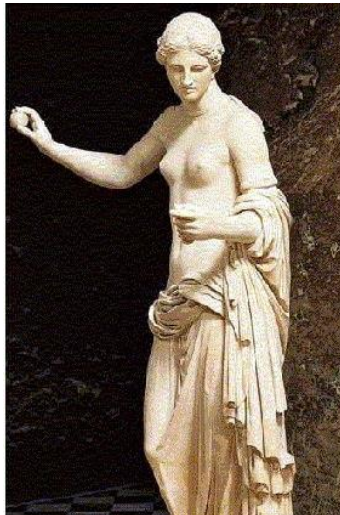
через три Ф. А у Аполлона, наоборот, – спутники. У него есть музы легкокрылые, но это чисто служебные персонажи, они ему просто подчиненные, то есть для бизнеса. Он никогда к ним не пристаёт, потому что он вообще не пристаёт к женщинам, его интересуют только мужчины. Он покровитель гомосексуализма как духовного направления, а педерастии как способа наставничества юношей, когда юношу отдают в руки опытному наставнику, и тот его наставляет во всех мужских добродетелях. Вот Аполлон всем им покровительствует. ОК?

Вперед.

Это Афродита, она же Венера.

А вот следующую, будет еще одна Афродита.

Вот это реальная скульптура. Ну, видите, у нас представления о красоте и гармонии чисто греческие.

Помните индийских красоток? Там бюст такой на родине героя, пышные бедра, – ну, другие представления о красоте. У китайцев и японцев – еще другие. А у нас такое вот представление, каким должно быть женское тело, каким должно быть мужское. То есть античный идеал царствует до сих пор. В этом смысле греческое язычество пережило все на свете религиозные дела. И хотя на иконах женщин рисовали закрытыми, такими худыми, как глисты, все равно же греческий идеал победил. И сейчас, в эпоху торжествующего язычества, эти все формы, они прекраснейшим образом расцвели. Начали они свой расцвет в период Ренессанса, когда вот таких Венер стали рисовать. Это Боттичелли. Сандро Боттичелли, вы узнали, «Рождение Афродиты». На всех картинах у него, и Весна такая же. Он все время рисовал одну и ту же девушку. Даму, которую он любил трогательно всю свою жизнь. И потому так ее любил, что она так и не дала ему удовлетворения, поэтому он понимал, что это и есть источник вдохновения и пылкой страсти. Вот.

Какая вам нравится больше? Вот эта ренессансная или та античная?

Это Геракл, плод любви богов и людей.

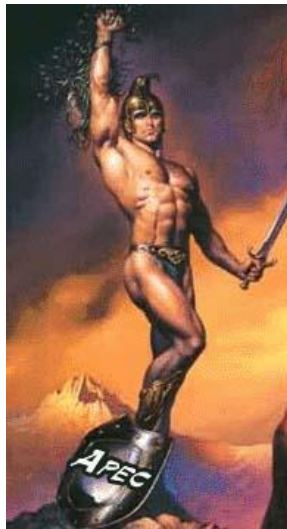
Боги сходили к земным женщинам, и женщины (богини) могли как бы побаловаться каким-нибудь мужиком-героем, атлетом, но, в основном, конечно, это боги себе позволяли. Для них женщины земные были абсолютно неотразимы. И разные боги оставляли более-менее значительное потомство. И у Зевса, и у Аполлона, хотя он и гомосексуалист, и у Диониса, – у них были сыновья. И вот Геракл – полубог, хотя он наполовину был смертный, но, тем не менее, он был даже удостоен того,

что был взят потом на небо. Ведь богов от людей отличало что главным образом? Бессмертие. Геракл, совершивший массу подвигов, вы знаете, и этим заслуживший и уважение окружающих, и даже того, что его взяли на небеса.

Вперед.

Это бог войны. Это тоже из современных мультипликаций.

Такой красавец. Звали его Арес у греков и Марс у римлян. Он с мечом, со щитом, с лавровым венком победителя, который к его руке приторочен. Он может

вручить его самому храброму воину. Для римских солдат венки Марса – венок за доблесть – была величайшая награда. Тот, кто на марше получал разрешение ходить с таким венком, ну, солдаты, конечно, обожали его. И его было чрезвычайно трудно заслужить. Считалось, что сам бог покровительствует таким умелым солдатам. Арес, он же Марс – воплощение абсолютной злобности и воинственной кровожадности. Вот для него война – это состояние. Вне войны для него нет жизни. Он воюет не потому, что он чем-то недоволен, или он хочет что-то приобрести, или что-то забрать, нет, он воюет потому, что это его жизнь. И без кровопролития, без криков воинственных, без ржания коней, без ударов мечей о щиты, без воплей раненых, без хруста раздавленных костей для него нет жизни вообще. Она становится пресной, скучной, невыносимой. Поэтому он ищет войну, провоцирует войну и покровительствует задирам, забиякам, агрессорам, любимым воякам, которые машут мечом, не спрашивая прав или виноват. Моральные принципы для него совершенно ничего не значат, в

отличие от Зевса, который поощряет войны только за правое дело.

Вперед.

Это Афина.

Ну, это чистая мультипликация. Из японского, кстати, мультя про греческие мифы. Вот такой уж народ японцы, что им все интересно. Есть ли в Европе мульт про японские мифы? Что-то я не встречал. А вот они сделали.

Это богиня Афина, она же Минерва. Она покровитель города Афин, она с копьем и щитом золотым и умное лицо такое, не вполне женское, сильно обезображенное интеллектом. То есть она не такая красавица, как иные, но

очень умна. И она подарила любимому своему городу Афинам два главных дара: первое – это дерево олива, и оливковое масло из Афин, которым они торговали со всем миром, стало самым главным, и второе – показала, - воткнула копье – в то место, где стали копать глину, в предместье Серамикос. И оттуда пошла греческая керамика по всему миру, и греческие вазы, амфоры, горшки. Ведь не боги горшки обжигают, на самом деле это жители Афин – эти все продукты гончарного промысла были главной статьёй экспорта. Греция ж ничем не могла торговать: хлеб они ввозили из Египта или из Малой Азии, вино было, но этого вина, кто там его греческое пил, когда были виноградники в Египте или в той же Малой Азии на территории нынешней Турции. Вот оливковое масло, да, ценилось. И главным предметом их экспорта было все, что сделано из глины. Греческие амфоры не знали равных себе. Тогда же в глине, в огромных амфорах перевозили все: и вино, и масло, и зерно, а иной раз даже и воду. И без греческой продукции, как без главной тары, остановилась бы тогдашняя экономическая жизнь. Вот на

чем предприимчивые афиняне сделали себе состояние.
Как им было не благодарить Афину.

Вперед.

Узнаете парня? Нет? Это Дионис. Вакх, который Бахус. Он тоже красивый, поэтому у него и брюхо могло быть сравнимое вполне.

Студентка: Это фотография чья-то?

Мацих: Это видео. Аполлон любил снимать Диониса на видео. Да. И они обменивались потом. Скидывали друг другу на комп, там, на аську. Даже специальное было Олимпвидео, не заходили? Там очень интересно. Скажите мне, честно, девушки, вам нравятся такие мужчины?

Студентка: Не очень.

Студентка: Здесь есть какая-то широта души.

Мацих: Широта есть, несомненно. И глубина есть, да. Вы полагаете, это душа? Мне тоже так хотелось бы думать, но потом я похудел и как-то охладел к нему. А вам, Ириша, нравятся такие?

Студентка: Нет.

Мацих: Ну ладно. Он все равно не обижен женским вниманием, вы понимаете. Посмотрите, какой у него взгляд, не оставляющий сомнения в том, что будет с любой девушкой, которая подойдет попросить напиток. Она получит напиток. Ну и тут вино, фрукты, виноградик. Это Дионис. Есть множество его изображений. Он изображается часто. Он всегда красивый, всегда молодой, не обязательно при пузе, но с очень странным выражением лица, не присущим обычно греческим богам. Он самый, ну, коварный что ли. Пьяный – это Вакх или его дружок Силен, пьяница Силен. А Дионис нет. Дионис вообще сам, как всякий производитель вина, пьет редко, так же, как те, кто делают наркотики, никогда их не употребляют. Они их для других делают. А тот, кто

производит оружие, очень редко из него стреляет. Дионис – бог винограда, виноградарства, лозы, веселья, вина, но он совершенно не обязательно бывает пьян, наоборот, он трезв и очень хитрожоп. И все вот эти комбинации, которые он продумывает, он продумывает абсолютно на трезвый рассудок. А вино он приберегает для своих врагов, которых он спаивает крепким неразбавленным вином, или для друзей и последователей. Этим – лучшие вина. Они потом сами перестают разбавлять после третьей, и дальше веселье уже идет по принципу вакханалии. У Диониса самая любопытная судьба: его не признавали как бога, он вынужден был это доказывать. И в трагедии Еврипида «Вакханки»²⁰ есть изумительный эпизод, когда царь Пенфей, рационалист такой аполлонический, не верит в вакханок, не признает Диониса богом. Дионис приобретает вид странника и появляется перед царем. И говорит: «Зачем же ты гонишь богов, царь Пенфей?». А тот ему говорит: «Ну, бога что-то

²⁰ **Еврипид** (правильнее **Эврипид**, др.-греч. Εὐριπίδης, 480 — 406 до н. э.) — древнегреческий драматург, представитель новой аттической трагедии, в которой преобладает психология над идеей божественного рока. Трагедия «Вакханки» была написана в 407 г. до н. э.

рядом не видать». На что следует изумительная реплика: «Он здесь, но нечестив ты – и не видишь». Вот в этой реплике весь Дионис. Он совершенно не пьян, отнюдь. И он очень жестокую шутку шутит с этим Пенфеем. Он увлекает его на вакханалию, куда вообще-то мужчинам вход воспрещен. Он освобождается из тюрьмы и превращает свои оковы – огромные железные цепи – в виноградные лозы, легко проходит сквозь стену тюремную. И вместе с Пенфеем, под другим видом, под видом другого странника, увлекает его на вакханалию. Там видения у Пенфея, Дионис ему кажется быком, леопардом. А потом Дионис показывает, где сидит мужик (а мужчинам категорически на вакханалиях нельзя было) вот этим обезумевшим женщинам-вакханкам, где участвует и собственная мать этого Пенфея. Они его разрывают на куски, причем родная мать отрывает ему голову, искренно приняв его за льва. Они его разрывают на куски, и мать отрывает голову родного сына, водружает на специальный жезл-тирс и возвращается с ним в город, считая, что она победила льва и тем самым избавила всех от такой напасти. Приближенные Пенфея, которые

поддерживали его антидионисические настроения, видят всю эту процессию, а потом и сама мать прозревает. И тут наступает самый изумительный момент похмелья, и в прямом и в переносном смысле. Вот на такие шутки Дионис был мастак. То есть тут не только мораль в том, что пьянству – бой, не пей, а то ты не отличишь [человека от льва]. А тут смысл в том, что в священном безумстве человек не различает, что хорошо, что дурно. Но и более того, бог Дионис – самый неуловимый и, если хотите, самый коварный из богов. Вот такой он парень.

Вперед. Нам осталось пара, по-моему, всего.

Ну, это Меркурий, он же Гермес.

Он со шлемом и крылатыми сандалиями, у него жезл-кадуцей знаменитый его. Этот бог, божество, поскольку он – покровитель торговли, очень стал в ренессансной Европе популярен. Знаменитый его жезл с двумя змеями. Этот жезл, и крылатые сандалии, и Гермес как таковой, как бог, сближающий народы не войной, а торговлей. На взаимном интересе, а не на взаимном истреблении. Он очень полюбился масонам, которые полагали, что народам нужно искать друг в друге интерес, то, что их объединяет, а не то, что их разъединяет. И этот очень древний символ стал одним из любимых в масонском пантеоне.

Вперед. Геракл с палицей.

Видите, какой красавец. И палица какая мощная, палицу поднять мог только он. В руках у него не «яблочки», как сказала мне одна замечательная девушка, а камни, которые он заряжал в пращу. Круглые камни, которые он метал. Это было в его руках сильнейшее оружие. Никакими яблочками он не баловался.

Вперед.

А это знаете, что такое? Это Ахилл убивает Гектора под стенами Трои.

Через секунду Гектор в синем султанике умрет. Ахилл со злобным выражением лица. Вот это один из приемов, которыми владели и греки, и македоняне в бою: коротким копьем, дротиком, – тут оно длинное, это без знания дела

изображено, такое копьё метали, это метательное копьё, а копьё для рукопашного боя называлось дротиком, оно было меньше. Им можно было действовать как колющим оружием. И, когда противники сближались, естественно, каждый закрывался щитом. Так вот, греки отбрасывали щит или перекидывали его за спину, и одной рукой дергали противника или вперед, или в сторону, – важно было вывести из равновесия, тогда он выходил из-под прикрытия щита, и в незащищенную часть наносился удар дротиком – с близкого расстояния и, как правило, смертельный. Это один из приемов боя рукопашного. Ахилл, который богатырь, сейчас вот сокрушит этого самого Гектора. Это же аллюзии на фильм «Троя», который вышел совершенно недавно²¹ и показывает лишний раз, что герои древнегреческого эпоса прекраснейшим образом живы. Ахилл – неприятный персонаж. Это воплощение всего (каким его изобразил Гомер, очень непростым парнем) худшего, что есть в звериной военщине. Ахилл убивает просто так. У Ахилла был друг, естественно, гомосексуальный, Патрокл, которого он очень

²¹ Мировая премьера фильма состоялась 9 мая 2004 в Берлине.

любил. Патрокла убили троянцы. И Ахилл ужасно по этому поводу скорбит. И ходит, и грустит. И вот он как-то, идя по винограднику, встречает мальчика. А мальчик ему с восхищением говорит: «Вот он, храбрый Ахилл, великолепный воин! Как я рад тебя встретить!» – «И я рад, – говорит ему Ахилл меланхолически, – добрый мальчик, я рад тебя видеть. Ты узнал меня, значит, ну, надо тебя убить». Мальчик, понимая, что от Ахилла не уйдешь, начинает его молить, рассчитывая взять на жалость, и говорит: «За что же убивать?» – «Ну, как за что? Просто так. А что тебе жить-то? Убью». А вот он говорит: «Нет! Дядя Ахилл, вы меня не помните? Вспомните, вы были у моего отца! Вы сидели у нас за столом!» Он говорит: «Я помню прекрасно. Отец твой – милейший человек. Я преломил с ним хлеб, и пил вино, и было угощение замечательное, и тебя я помню: я тебя сажал на колени». Мальчик говорит: «Да! Вы говорили, что я вырасту славным витязем!» – «Ну, не вырастешь. Ошибся я. Что делать? Я же не предсказатель». И тут произносит совершенно замечательную фразу, изумительную: «Так, мой любезный, умри! И о чем ты так долго рыдаешь? Умер

Патрокл – намного тебя превосходнейший смертный!» Это хорошо! И убивает.

Студентка: Может в этом и есть депрессивность европейского общества?

Мацих: В смысле, убить, чтоб ничего не было?

Студентка: Нет, но даже божества такие жестокие.

Мацих: Ахилл – человек, он не божество.

Студентка: А остальные, предыдущие товарищи?

Мацих: Остальные, они разные. Они необязательно депрессивные. И ощущение трагичности бытия не есть депрессия. Может быть, это более трезвый взгляд на мир? А кто постоянно весел, тот, по-моему, просто глуп, писал поэт. Нет, это не имеет отношения к депрессии. А Ахилл – это воплощение европейской военщины, вещи, как мы знаем, очень злобной и неприятной.

Студентка: Ахилл – просто человек, не полубог?

Мацих: Он человек. На самом деле, нет. Его мать Фетида была нимфа. А отец его Пелей, он был обычный человек.

Студентка: Они его в речку опустили.

Матих: Они его не просто в речку опустили, мой дорогой, нет. Они опустили его в Стикс – такой ручей, который тек в подземном царстве. И если бы он полностью, весь пропитался этой водой, он бы был весь неуязвим. Но она держала его за пятку, он кричал, – ну, мальчик же не понимал, – а отец Пелей, услышав крики сына, прибежал и помешал. И пятка, за которую она держала, осталась необработанной. В эту пятку его и поразили, и он истек кровью. Такие-то дела. Вот от отцов одни неприятности. Отец все испортил.

Вперед.

Это преддверие вакханалии, нимфы и сатир. Козлоногий сатир, подчиненный Пану, нимфы-красотки рядом с ним. Ренессансная картина. Тогда эти все сюжеты очень расцвели, потому что в христианском искусстве ж никакой красоты телесной, никаких голых изображать, конечно, было нельзя, а в Ренессансе расцвело: и радость телесная, и красота, и все эти утехы.

По греческим представлениям, сатиры – похотливые козлоногие существа – полукозлы-полулюди, они постоянно к нимфам приставали совершенно с конкретными видами. И нимфам это очень не нравилось.

А тут обратная ситуация: группа нимф поймала сатира, и тут они ему, видимо, говорят: «Так ли ты нас любишь, как ты говорил об этом?», – он уже и не рад, и думает, как бы уйти живым. Но, видимо, не очень у него получится. То есть они ему все вспомнят. Вот такая вот веселая картинка. Она еще на подмогу зовет подружек. Хорошо ему не будет. Он поймет всю аморальность своего поведения.

Вперед.

Бугеро Адольф Вильям. Бахус, сатиры и нимфы.

Это чистая вакханалия уже в самом своем первозданном виде. Но, конечно, это вакханалия без ее кровавого составляющего, без кровавой компоненты. Настоящие вакханалии были и с мужчинами, но самые суровые были без мужчин. Только женщины.

Студентка: Там они уже кого-то замочили.

Мацих: Нет, никого не замочили, просто она выпила лишнего и сейчас встанет. Подружка ее тянет вверх. Это девушка ведь лежит, да?

Студентка: Да, мне кажется, что черненькое – это кровка, нет?

Мацих: Нет, это девушка лежит, и подружка ее тянет вверх, эта самая... Это вино, я думаю, пролили. Нет, тут

еще нет никакой крови. Да и нет смысла. Просто девка выпила, ну, Сейчас подружки ее подымут, и она пустится в пляс. Обратите внимание, какие белые все женщины и какие темные все мужчины. Идеал красоты женской – белотелость. Отсюда аристократизм: белые ручки, белое личико у настоящей барыни, панночки, барышни. А мужик должен быть загорелым: он – в поле, он – на палубе корабля, он – в море, ему как раз белорукость совершенно не к лицу.

И настоящая вакханалия заканчивалась тем, что женщины руками разрывали животных и жевали их прямо сырыми.

Здесь этого нет. Здесь такая вакханалия в духе танца, ну, может быть, и секс потом будет. Вон там кентавр, видите, направо, дует в трубу такую, то есть тут, видимо, все закончится бескровно, любовно и с весельем. Ну, и такие вакханалии были.

Реально вакханалии были обрядом, который пережил и Грецию, и в Средние века был прекрасно распространен. И заканчивалось все, разумеется, далеко не так невинно. Все это были такие оргиастические мощные пляски с

возбуждением и вином, потом и иными напитками, иной раз и с добавлением галлюциногенов каких-то, типа смол разных, травок. Плюс они дули в трубы, били в барабаны, играли на флейтах, – и все это возбуждение переходило в массовые, совершенно непристойные пляски, а потом, конечно, заканчивалось групповым совокуплением. То есть это оргиастический обряд. Вакханалия как таковая – это оргиастический обряд, а здесь ее красивое стилизованное изображение, но это, несомненно, часть греческой жизни.

Студентка: А у славян не было таких мероприятий?

Мацих: Были. Но они не назывались вакханалии. Все оргиастические приемы были у всех без исключения народов на свете. Или вам не следует это говорить? Ну, у славян, с их нравственностью, конечно... Конечно, были. Вы смотрели фильм Тарковского «Андрей Рублев»? Напрасно. Посмотрите обязательно. Во-первых, это гениальный фильм абсолютно, во-вторых, там есть момент, когда герой попадает на языческий праздник в ночь Ивана Купала. Вот ночь Ивана Купала – это как раз когда девки прыгают через костер, голые. Это, как вы

понимаете, для чего они делают? И чем это все заканчивается?

Студентка: Но сначала ведь они там веночки спускают...

Мацих: Ах, веночки! Что означает, когда девушка плетет венок и пускает его по воде? Она смотрит, кто поймает. И, как вы понимаете, тот из парней, кто поймает, он что делать будет? Она скажет: «Ну, хорошо, Василий, очень приятно, вот вам новая кредитная карточка». Да. Ну, и сам веночек, тут, я думаю, совершенно понятная символика. Другой вопрос, ведь девки как плели венок? Девочек же было немного. Сколько там в деревне девочек? Девки – это ж именно незамужние, кто еще не вышел замуж, или, ну иной раз допускались молодые вдовы, но не всегда на эти праздники. Каждая девка знала, как сделать свой венок индивидуальным. Ну, там вплести чего-нибудь, свой цветочек какой-нибудь. И парни знали. Поэтому они тоже там друг друга отпихивали, чтобы взять чей-нибудь – Анин венок, – а не тот, который первым приплыл. «Подожди, я тебе говорю, тебя тут не было!» И он первым хватает, а если схватил, уже все. И тогда девица отказать права никакого не имеет. Ну, а прыжки через костер... Парни-то

где в этот момент находились, как вы думаете? Парни лежали вокруг этого костра, – не сидели, а именно лежали, – и смотрели они снизу вверх. Это был праздник абсолютно замечательный по своей откровенности. Но им все эти штуки не казались ничем плохим или срамным. Как говорится по-французски, «Qu'il y ait une honte pour celui qui pense mal de lui» - «пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает». Это был обряд, который к древним культам их возвращал. И то, что он заканчивался, конечно, совокуплением, тут сомнений быть не может. Это вакханалия была. Но она была без плясок, без музыки. Музыка, может быть, была какая-то совсем уж простенькая, под свирель, сопилочку и под барабан, но в сексуальной составляющей вакханалии сомнений нет.

Студентка: По скромному у них все было как-то.

Мацих: Скромно было только в смысле угощения: вина не было, а браги много не выпьешь, она вызывает метеоризм. А так-то как раз все было как у людей. Как у больших. Какие вопросы у вас, друзья мои, про греков? Есть вопросы? Про картинки? Что-нибудь про вакханалию спросите еще. Нет? Устроим свою? Да. Ну, народ накопил

опыт в устраивании вакханалий, чего там. И читайте, пожалуйста, то, что я вас просил прочесть. Про греков есть «Сизиф, сын Эола» - прекрасный рассказик Всеволода Иванова. Про греков есть рассказы Мериме: «Венера Илльская» и прочее. Читать это будет очень хорошо.

Студентка: Скажите, пожалуйста, а вот вы рекомендовали рассказ такой прекрасный «Пхенц». Вы можете что-нибудь про него рассказать?

Мацих: Вы его прочли?

Студентка: Да.

Мацих: Понравился вам?

Студентка: Да, очень.

Мацих: Ну, так что же вам еще рассказывать?

Студентка: О чем это?

Мацих: Это вы мне напишите.